PG
2013
A65
vol.1
1867

sbornik

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ,

ЧИТАЕНЫХЪ

ВЪ ОТДѢЛЕНІИ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Akademiia nauk SSSR. Otdelenie russkogo yazyka i slovesnosti.

1

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

(В. О., 9 лин., № 12.)

1867.

KRAUS REPRINT LTD.
Nendeln, Liechtenstein
1966

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ. Санктпетербургъ, Декабрь 1867 г.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій.*

Printed in Germany

Lessing-Druckerei – Wiesbaden

Съ 1854-го года издавались «Ученыя Записки Втораго Отдѣленія Академіи Наукъ»; въ 1862-мъ году началось совокупное изданіе, на русскомъ языкѣ, трудовъ по всѣмъ тремъ Отдѣленіямъ Академіи.

При всѣхъ несомнѣнныхъ преимуществахъ такого изданія, время показало однакожъ, что для бо́льшаго удобства лицъ, спеціально слѣдящихъ за учеными трудами по русско-славянской филологіи и литературѣ, необходимо сверхъ того собирать въ особыя книжки тѣ статьи «Записокъ» Академіи, которыя исходятъ изъ названнаго Отдѣленія.

Появляющимся нынѣ томомъ начинается выполненіе этой потребности. Кромѣ статей, уже напечатанныхъ въ «Запискахъ», въ настоящую книжку *Сборника* допущены также нѣкоторые труды, не вошедшіе въ общее академическое изданіе.

Къ книжкѣ приложены подробные АЛФАВИТНЫЕ УКАЗАТЕЛИ упоминаемыхъ въ ней именъ и предметовъ.

Digitized by the Internet Archive
in 2024

https://archive.org/details/sbornik-otdeleniya-russkogo-yazyka-i-slovesnosti_1867_1

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Извлеченіе изъ протоколовъ Отдѣленія русскаго языка и словесности ..... стран. I—LXXXIII.

За январь и февраль 1866 г. ..... I.
— мартъ и апрѣль — ..... V.
— май, іюнь и августъ — ..... XXIX.
— сентябрь, октябрь, ноябрь и декабрь .. XLI.
— январь и февраль 1867 г. ..... LXII.
— мартъ, апрѣль и май — ..... LXXI.

Приложенія къ протоколамъ:

Записка Руссова передъ «Выпискою хронологическою изъ Исторіи Русской» (доставл. Я. К. Гротомъ) ..... IX.

Матеріалы для біографіи Тредіаковскаго (сообщ. П. П. Пекарскимъ) ..... XI.

Замѣтка А. Ѳ. Бычкова о славянскомъ палимпсестѣ ..... XXVII.

Библіографическая замѣтка объ адресъ-календарѣ (П. П. Пекарскаго) ..... XXXVI.

О космографіи Раува и о переводѣ изъ нея извѣстій о Московіи (А. Ѳ. Бычкова)... XXXVIII.

О рѣчи въ память Ломоносова, произнесенной докторомъ Ле-Клеркомъ (П. П. Пекарскаго) ..... LIII.

Собственноручныя письма Ломоносова (сообщ. П. П. Пекарскимъ):

1. Къ Виноградову (1741 г.) ..... LVI.
2. Къ И. А. Черкасову (1749 г.)..... LVII.

Собственноручное письмо Ломоносова къ И. И. Шувалову (сообщ. А. Ѳ. Бычковымъ) стран. LXI.
Извѣстіе о молодыхъ людяхъ, посланныхъ Годуновымъ въ Англію въ 1602 г. (П. П. Пекарскаго) ..... LXVI.
Англійскіе очерки русской литератур (И. И. Срезневскаго) ..... LXXVIII.

Отчетъ по Отдѣленію русскаго языка и словесности за 1865 г., составленный Я. К. Гротомъ ..... № 1.
Мнѣнія о Словарѣ славянскихъ нарѣчій, А. Б. Шлейхера и И. И. Срезневскаго ..... № 2.
Сношенія П. И. Рычкова съ Академіею Наукъ въ XVIII столѣтіи, П. П. Пекарскаго ..... № 3.
Характеристика Державина, какъ поэта, Я. К. Грота ..... № 4.
О Второмъ Отдѣленіи Академіи Наукъ, Я. К. Грота ..... № 5.
Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ, И. И. Срезневскаго ..... №№ 6, 7, 8, 9.
Оглавленіе.
Списокъ памятниковъ, изданныхъ или описанныхъ въ «Свѣдѣніяхъ и замѣткахъ».
Указатель именъ личныхъ и мѣстныхъ.
Указатель предметный.
Указатель словъ.
Очеркъ дѣятельности и личности Карамзина, Я. К. Грота ..... № 10.
Примѣчанія къ «Очерку», его же.
Отчетъ по Отдѣленію русскаго языка и словесности за 1866 г., составленный А. В. Никитенко ..... № 11.
Алфавитный указатель именъ, встрѣчающихся въ I-мъ томѣ Сборника.

ИЗВЛЕЧЕНІЯ ИЗЪ ПРОТОКОЛОВЪ ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ.

ЯНВАРЬ И ФЕВРАЛЬ 1866 Г.

До свѣдѣнія Отдѣленія дошло, что надъ могилой умершаго въ 1864 году академика Востокова до-сихъ-поръ нѣтъ еще ничего, кромѣ деревяннаго креста, и что оставшіеся послѣ покойнаго родственники не имѣютъ средствъ поставить ему приличный надгробный памятникъ. Такъ какъ и въ распоряженіи Академіи не находится суммъ, на которыя могъ бы быть отнесенъ расходъ по этому предмету, то Отдѣленіе, имѣя въ виду общее уваженіе къ ученымъ заслугамъ Востокова, пріобрѣвшаго знаменитость во всемъ славянскомъ мірѣ, положило открыть съ означенною цѣлью частную подписку, пригласивъ къ участію въ сборѣ пожертвованій, сверхъ нѣкоторыхъ академиковъ, также нѣсколько постороннихъ ученыхъ и другихъ лицъ, отъ которыхъ можно ожидать особеннаго сочувствія къ этому дѣлу. О результатахъ подписки будетъ въ свое время объявлено во всеобщее свѣдѣніе.

Читана доставленная академикомъ Шифнеромъ, писанная по-русски іенскимъ профессоромъ Шлейхеромъ, замѣтка о планѣ *Всеславянскаго словаря*. Отдѣленіе, находя мысль германскаго филолога заслуживающею полнаго вниманія, изъявило желаніе узнать мнѣніе по этому предмету И. И. Срезневскаго, который въ одномъ изъ слѣдующихъ засѣданій и прочиталъ свою о томъ записку. Подробное разсмотрѣніе словарей славянскихъ нарѣчій привело его къ заключенію, что прежде чѣмъ приступить къ составленію общаго славянскаго словаря, надобно дождаться изданія матеріаловъ, еще неизданныхъ, и критически разсмотрѣть изданные, частію уже внесенные въ словари. Такая большая работа предстоитъ, между прочимъ, и по словарю древнѣйшаго изъ славянскихъ нарѣчій—

церковно-славянскаго, которое отъ употребленія его дѣятелями нѣсколькихъ различныхъ странъ должно было принять въ себя слова разныхъ нарѣчій, въ томъ числѣ и такія, которыя, какъ кажется, были въ ходу у однихъ Болгаръ, и вмѣстѣ съ тѣмъ такія, которыя Болгарамъ не были извѣстны. Занимаясь выборомъ словъ изъ *Златоструя* Симеона Болгарскаго (ум. 927) сравнительно съ сборникомъ, переведеннымъ для того же князя, и съ произведеніями его современниковъ, епископа Константина и экзарха Іоанна, академикъ Срезневскій нашелъ въ этихъ памятникахъ многое одинаковое, между прочимъ такое, чего напрасно было бы искать въ другихъ неболгарскихъ памятникахъ. Наконецъ, въ приложеніи къ статьѣ своей онъ счелъ нужнымъ сообщить свѣдѣнія о трудахъ профессора Шлейхера, преимущественно касающихся славянской филологіи.

Тотъ же академикъ роздалъ сочленамъ отдѣльные оттиски напечатаннаго въ *Извѣстіяхъ* Археологическаго Общества труда его «Древніе глаголическіе памятники, сравнительно съ памятниками кириллицы», въ которомъ сверхъ текста и разбора нѣсколькихъ памятниковъ, доселѣ бывшихъ неизвѣстными, находится полный текстъ и всѣхъ до-сихъ-поръ открытыхъ глаголическихъ памятниковъ меньшей величины, а изъ большихъ (четвероевангелій и книгъ евангельскихъ чтеній) значительное количество выписокъ; кромѣ того дано мѣсто и обозрѣнію кирилловскихъ памятниковъ, въ которыхъ есть что-нибудь глаголическое. Подробное сравненіе тѣхъ и другихъ памятниковъ является здѣсь въ первый разъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ это—первое собраніе палеографически-вѣрныхъ списковъ изъ глаголическихъ памятниковъ и снимковъ изъ всѣхъ памятниковъ этого письма. Между многими встрѣчающимися здѣсь, прежде неизвѣстными, памятниками вниманія заслуживаетъ часть глаголической литургіи, о которой доселѣ не имѣли никакого понятія.

Академикъ Гротъ, представивъ полученные имъ отъ почетнаго члена Академіи Наукъ А. М. Княжевича списки: *Гимна бородѣ*, Ломоносова, и другихъ относящихся къ этому сочиненію документовъ, доложилъ, что онъ сличалъ списки эти съ напечатаннымъ текстомъ ихъ и что новые списки представляютъ въ заключеніи «гимна» четыре дополнительные куплета, которые по-видимому не были извѣстны напечатавшему это сочиненіе въ *Библіографическихъ Запискахъ*. По прочтеніи ихъ, было заявлено, что въ этомъ спискѣ важны, сверхъ того, стоящія въ заглавіи слова: «стихи архіепископу Кулябкѣ», такъ какъ только этою припискою, вмѣстѣ съ заключительными куплетами, объясняется то преслѣдованіе, какому Ломо-

носовъ подвергся за свою сатиру. Всѣ найденные въ спискѣ варіанты выписаны, также какъ и прибавочные куплеты, которые переданы П. П. Пекарскому, для сравненія съ имѣющимися у него еще двумя списками того же произведенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ положено: при возвращеніи доставленныхъ въ Отдѣленіе бумагъ, выразить А. М. Княжевичу живѣйшую признательность за благосклонное сообщеніе ихъ.

Тотъ же академикъ заявилъ, что онъ, разбирая въ академической библіотекѣ историческія сочиненія императрицы Екатерины II-й, имѣлъ случай видѣть изданную по ея распоряженію книгу *Выпись хронологическая изъ исторіи русской* (in 4°, 224 стр.). Это — хронологическая роспись въ нѣсколько столбцовъ, по княжествамъ, съ краткимъ изложеніемъ событій, прерывающаяся на 1141 годѣ. Въ особой боковой графѣ показаны вездѣ современные государи въ другихъ странахъ и духовные правители. На заглавномъ листѣ не означено ни мѣсто, ни время печатанія; но передъ заглавіемъ вклеенъ рукописный листъ, подробно объясняющій происхожденіе книги и подписанный Степаномъ Руссовымъ, съ помѣтою: 27-го ноября 1837 г. Изъ этой записки, при которой книга подарена имъ Россійской Академіи, видно, что это сочиненіе задумано самою императрицею и составлено, подъ ея надзоромъ и руководствомъ, особою коммиссіей, назначенной ею 14 декабря 1783 года, подъ предсѣдательствомъ графа Андрея Петровича Шувалова. Опредѣлено записку Руссова напечатать въ «Запискахъ» Академіи, въ видѣ приложенія къ протоколамъ.

Академикъ Пекарскій, продолжая свои разысканія въ академическихъ архивахъ, обратилъ вниманіе на извѣстія, уцѣлѣвшія тамъ объ университетѣ и гимназіи при Академіи Наукъ, во время ректорства академика Степана Петровича Крашенинникова (1750—1756). Тогда въ названныхъ учрежденіяхъ воспитывалось отъ ста до ста-пятидесяти молодыхъ людей, рѣшительно всѣхъ званій, такъ что между ними встрѣчались имена дѣтей старинныхъ дворянъ рядомъ съ дѣтьми мѣщанъ, солдатъ и т. п. Изъ этой молодежи, или оканчивавшей курсъ, или же только-что начинавшей ученіе, вышли впослѣдствіи: Котельниковъ, Протасовъ, Румовскій, бывшіе потомъ академиками, Поповскій и Барсовъ — первые профессоры вновь учрежденнаго московскаго университета. Товарищемъ ихъ нѣкоторое время былъ Иванъ Барковъ, по отзывамъ профессоровъ, отличный латинистъ, но, къ сожалѣнію, рано сдѣлавшійся жертвою разгульной и неумѣренной жизни. Студенты: Ва-

силій Тепловъ, Яковъ и Ѳедоръ Козельскіе пользовались извѣстностью, какъ переводчики разныхъ иностранныхъ сочиненій; Алексѣй Полѣновъ, писавшій при Екатеринѣ II о необходимости уничтоженія крѣпостнаго состоянія въ Россіи. Въ гимназіи учились въ описываемое же время извѣстный драматическій писатель Яковъ Княжнинъ и будущіе академики: Иванъ Лепехинъ и Петръ Иноходцевъ. Въ академическихъ дѣлахъ есть немало характеристическихъ подробностей о распорядкахъ тогдашняго преподаванія, о нравахъ и обычаяхъ преподавателей и учащейся молодежи. Сверхъ того, г. Пекарскій умножилъ свое собраніе матеріаловъ нѣкоторыми свѣдѣніями о степени содѣйствія нашей Академіи Наукъ къ учрежденію въ Москвѣ университета — свѣдѣніями, которыя не занесены на страницы печатной исторіи этого высшаго учебнаго заведенія. Въ 1753 г. былъ первый выпускъ въ магистры и адъюнкты студентовъ академическаго университета, а въ 1755 г. Иванъ Ивановичъ Шуваловъ трехъ изъ нихъ: Поповскаго, Барсова и Яремскаго, просилъ у Академіи въ преподаватели московскаго университета. «Хотя вашему превосходительству», отвѣчалъ на это президентъ Академіи, гр. К. Гр. Разумовскій, «самимъ извѣстно, что изъ новообученныхъ въ академическомъ университетѣ россійскихъ сіи суть лучшіе, какъ въ наукахъ, такъ и въ поступкахъ, почему не безнужны бы они были и въ Академіи Наукъ, однако, принявъ то въ разсужденіе, что въ новоначинающемся въ Москвѣ университетѣ служба помянутыхъ магистровъ полезнѣе быть можетъ нежели въ Академіи, того ради я приказалъ онымъ явиться у вашего превосходительства, которыхъ и рекомендую въ особливую вашего превосходительства милость. Я же надѣюсь, что когда, съ Божіею помощію и при вашемъ попеченіи, въ университетѣ московскомъ со временемъ явятся способные къ службѣ ея императорскаго величества въ Академію Наукъ санктпетербургскую, то отказать не изволите.» Тотъ же Шуваловъ писалъ къ гр. Разумовскому о заготовленіи въ Академіи всѣхъ принадлежностей для университетской типографіи и о высылкѣ наборщика для нея съ мастеровыми: «Вашего сіятельства многія вспоможенія московскому университету, которыя по любви вашей къ общей пользѣ и къ наукамъ оказать изволили, многіе же опыты и ко мнѣ вашей милости ободряютъ меня васъ просить о нуждахъ, касающихся до московскаго университета. Теперь, милостивый государь мой, за необходимо нахожу, чтобъ сдѣлать тамъ типографію...» Академія выслала въ университетъ вновь отлитые шрифты литеръ, лучшіе изъ своихъ типограф-

скихъ становъ, со всѣми мельчайшими принадлежностями, и уступила опытнѣйшаго изъ своихъ наборщиковъ, съ учениками, которые прежде отсылки подверглись испытанію. Въ январѣ 1756 г. (а не въ 1758 г., какъ иногда печатаютъ невѣрно) Ив. Ив. Шуваловъ прислалъ въ Академію Наукъ нѣсколько учениковъ «для обученія художествъ». Одинъ изъ этихъ молодыхъ людей, изучавшій въ Академіи рисованіе, архитектуру, иностранные языки, именно Василій Баженовъ, сдѣлался знаменитымъ русскимъ архитекторомъ.

МАРТЪ И АПРѢЛЬ 1866 г.

Отдѣленіе, напечатавъ въ числѣ 20-ти экземпляровъ, въ видѣ рукописи, доставленные С. И. Пономаревымъ, Г. Н. Геннади и академикомъ А. А. Куникомъ *Матеріалы для библіографіи литературы о Ломоносовѣ*, разослало ихъ къ нѣкоторымъ ученымъ и литераторамъ съ просьбою, сдѣлавъ къ этимъ матеріаламъ дополненія и замѣчанія, возвратить самые экземпляры для дальнѣйшей разработки предмета въ Отдѣленіи. Присланныя вслѣдствіе того замѣтки М. П. Погодина и М. Н. Лонгинова были читаны въ одномъ изъ засѣданій; положено хранить ихъ до полученія подобныхъ присылокъ и отъ другихъ приглашенныхъ къ тому лицъ.

Отдѣленіе, желая доставить болѣе удобства занимающимся исторіею языка и литературы, опредѣлило, сверхъ помѣщенія трудовъ своихъ въ *Запискахъ* Академіи, издавать представляемыя членами его статьи и въ видѣ отдѣльныхъ книжекъ, подъ заглавіемъ: «Сборникъ статей, читанныхъ въ Отдѣленіи русскаго языка и словесности».

Академикъ Срезневскій заявилъ, что занимаясь уже много лѣтъ составленіемъ русскаго словаря, ооъ недавно приступилъ къ перепискѣ его, и вслѣдъ за тѣмъ, представивъ двѣ первыя тетради этого труда, прочиталъ слѣдующую записку:

«Русскій языкъ въ своемъ составѣ, насколько онъ извѣстенъ съ древнѣйшаго времени, представляетъ три порядка словъ:

«1) Слова, бывшія въ употребленіи издревле и частію *только* въ древности.

«2) Слова, вошедшія въ употребленіе не ранѣе XIV—XV вѣка или и позже, до начала XVIII вѣка, частію и бывшія въ употребленіи *только* въ это время.

«3) Слова, вошедшія въ употребленіе въ послѣдніе полтора вѣка.

*

Изъ всѣхъ этихъ словъ одни искони должны были принадлежать народу, другія были достояніемъ книжнаго употребленія и только частію переходили въ общенародное употребленіе. Изъ тѣхъ и другихъ наиболѣе важны: 1) слова, образующія такъ или иначе бытъ народный, и 2) слова, изображающія отвлеченныя или научныя понятія и представленія. Не только изслѣдователю языка и словесности, но и историку и археологу любопытно, а иногда и важно знать, съ какого времени и какъ тѣ или другія слова этихъ двухъ отдѣловъ вошли въ употребленіе, и какъ долго удерживались, если не остались принадлежностью нынѣшняго языка.

«На эти слова я обращалъ особенное вниманіе, собирая матеріалы для словаря русскаго языка. Я не упускалъ изъ виду ни одного такого слова, гдѣ бы оно мнѣ не встрѣтилось; но многія занесъ на свои листки только случайно, не воспользовавшись вполнѣ тѣмъ источникомъ, изъ котораго ихъ занялъ. Памятниками XV—XVIII вѣковъ я пользовался всего болѣе для объясненія словъ нынѣ употребительныхъ. Только изъ памятниковъ XI—XIV вѣка (русскаго письма) я старался выбрать всѣ слова безъ исключенія и вмѣстѣ съ словами все, что можетъ годиться для ихъ объясненія.

«Вслѣдствіе этого словарный запасъ, мною собранный по русскому языку, можетъ быть всего правильнѣе раздѣленъ на двѣ части:

«1) Словарь русскаго языка по древнимъ памятникамъ.

«2) Словарь русскаго языка съ указаніями на памятники прошедшаго времени.

«Отбирая отдѣльно листки со словами, принадлежащими къ этой второй части, я занялся перепиской первой части, т. е. словаря по древнимъ памятникамъ. Я продолжаю ее довольно прилежно, подкрѣпляемый сочувствіемъ нѣсколькихъ друзей и мыслію, что, можетъ быть, трудъ мой будетъ хотя немногимъ сколько-нибудь полезенъ. Переписка замедляется иногда только повѣркою ссылокъ и нѣкоторыми справками, а иногда пріисканіемъ дополнительныхъ указаній на слова, вошедшія въ листки безъ указаній или пропущенныя. Латинскій переводъ словъ также ставитъ меня въ затрудненіе и замедляетъ работу. Слова греческія я ставлю большею частію только тогда, когда имѣю свидѣтельства, что именно они были въ подлинникѣ, съ котораго сдѣланъ переводъ, и потому затрудненія встрѣчаю только въ нѣкоторыхъ исключительныхъ случаяхъ.

«Данныя, вошедшія въ мой словарь, извлечены изъ всѣхъ памятниковъ нашей древности, дошедшихъ до насъ въ подлинникѣ или въ спискахъ. Собственно русскіе памятники, насколько они мнѣ извѣстны,—лѣтописи, грамоты, уставы, посланія, слова, сказанія, житія святыхъ, записи и написи,—собраны мною для словаря всѣ безъ исключенія. Памятники славяно-русской церковной письменности также изслѣдованы мною въ словарномъ отношеніи, но еще не всѣ. Памятники непрочитанные я продолжаю изучать одни за другими и постоянно увеличиваю мой запасъ. Не смѣю думать о совершенной полнотѣ моего труда; тѣмъ не менѣе хотѣлось бы достигнуть всего, по моимъ силамъ и средствамъ возможнаго».

Отдѣленіе, съ особеннымъ удовольствіемъ встрѣтивъ это начало нетерпѣливо ожидаемаго труда, выразило живѣйшее желаніе, чтобы ничто не помѣшало И. И. Срезневскому продолжать и привести къ концу столь важное предпріятіе.

Тотъ же академикъ читалъ составленныя имъ записки: 1) о службѣ Константину Философу, приготовленной къ изданію по 8-и спискамъ, изъ которыхъ основнымъ избранъ Востоковскій; 2) о филологическихъ трудахъ профессора Шлейхера; 3) о спискахъ *Златоструя* и 4) о епископѣ славянскомъ Климентѣ по отношенію къ фрейзингенскимъ статьямъ.

Академикъ Никитенко читалъ составленные имъ, по порученію коммисіи объ Уваровскихъ наградахъ, разборы двухъ драматическихъ сочиненій.

По поводу помѣщенной въ № 54 *Московскихъ Вѣдомостей* передовой статьи объ Академіи Наукъ и выраженнаго въ ней взгляда на назначеніе Отдѣленія русскаго языка и словесности, академикъ Гротъ прочелъ обзоръ дѣятельности этого Отдѣленія съ указаніемъ на существенное различіе ея характера отъ направленія бывшей Россійской Академіи, которое теперь было бы несовременно и безплодно. Статья эта, одобренная Отдѣленіемъ, будетъ напечатана.

Онъ же представилъ первые пятнадцать листовъ печатаемаго имъ въ текущемъ году IV-го тома сочиненій Державина и заявилъ о составленномъ имъ подробномъ *Указателѣ* къ первымъ тремъ томамъ этого изданія, который вскорѣ будетъ внесенъ въ Отдѣленіе для напечатанія.

Тотъ же Академикъ доложилъ, что, какъ извѣстно Отдѣленію, въ минувшемъ февралѣ мѣсяцѣ открыта была въ Академіи подписка на сборъ суммы для сооруженія памятника надъ могилой умер-

шаго въ 1864 г. А. Х. Востокова. Эта подписка, въ которой приняли участіе г. Президентъ, нѣкоторые изъ членовъ Академіи и изъ служащихъ при ней лицъ, а также и приглашенные Отдѣленіемъ посторонніе почитатели памяти нашего знаменитаго филолога, принесла до сихъ поръ 540 рублей; изъ этой суммы 366 руб. собраны членами Отдѣленія русскаго языка и словесности, а остальные 174 руб. доставлены: изъ Москвы П. И. Бартеневымъ и Н. В. Сушковымъ, и изъ Харькова П. А. Лавровскимъ, и изъ Казани Н. Н. Буличемъ. Положено: выразить искреннѣйшую признательность доставителямъ и жертвователямъ, списки которыхъ находятся въ Отдѣленіи и будутъ напечатаны по закрытіи подписки.

Академикъ Пекарскій сообщилъ Отдѣленію: 1) содержаніе нѣкоторыхъ изъ полученныхъ имъ матеріаловъ для жизнеописанія умершаго въ 1865 году Арсеньева и между прочимъ доставленныя изъ Москвы С. А. Соболевскимъ извѣстія о покойномъ Академикѣ, бывшемъ нѣкогда наставникомъ г. Соболевскаго и находившемся съ нимъ въ перепискѣ, и 2) извлеченныя изъ академическаго архива неизвѣстныя донынѣ подробности объ увольненіи Тредьяковскаго изъ Академіи Наукъ въ 1759 г. Матеріалами, относящимися къ Арсеньеву, П. П. Пекарскій воспользуется при составленіи его біографіи; свѣдѣнія же о Тредьяковскомъ будутъ вслѣдъ за симъ помѣщены въ *Запискахъ*.

Академикъ Бычковъ читалъ замѣтку о славянскомъ палимпсестѣ, содержащемъ житія древнихъ русскихъ святыхъ. «Въ числѣ драгоцѣнныхъ памятниковъ письменностей греческой, арабской, сирійской и грузинской, вывезенныхъ профессоромъ Лейпцигскаго университета Тишендорфомъ изъ знаменитаго Синайскаго монастыря, находилось и нѣсколько отрывковъ славянскихъ рукописей въ томъ числѣ два палимпсеста, изъ которыхъ въ одномъ письмена кирилловскія заняли мѣсто прежнихъ также кирилловскихъ письменъ, а въ другомъ глаголическія письмена уступили мѣсто кирилловскимъ. Славянскіе палимпсесты считаются вообще чрезвычайно рѣдкими, и до сихъ поръ извѣстно ихъ самое ограниченное число. Своимъ происхожденіемъ наши палимпсесты, точно такъ же какъ и всѣ прочіе, обязаны дороговизнѣ въ средніе вѣка пергамена и, вслѣдствіе того, естественному желанію обратить въ дѣло, посредствомъ смывки написаннаго, ненужныя и дефектныя рукописи, которыхъ особенно много накопилось въ монастыряхъ». Изъ двухъ упомянутыхъ палимпсестовъ, хранящихся въ настоящее время въ Императорской Публичной Библіотекѣ, А. Ѳ. Бычковъ

избралъ на этотъ разъ тотъ, въ которомъ и смытыя и сохранившіяся письмена — кирилловскія, и подробно описалъ его какъ со стороны содержанія, такъ и въ отношеніи къ письму. Положено напечатать эту замѣтку въ приложеніяхъ къ протоколамъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ПРОТОКОЛАМЪ

ЗАСѢДАНІЙ ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ.

Записка С. Руссова передъ книгою: «Выпись хронологическая изъ Исторіи Русской» (см. выше, стр. III).

1783 года декабря 14 дня Екатерина II Высочайше указать соизволила: подъ начальствомъ и наблюденіемъ графа Андрея Петровича Шувалова назначить нѣсколько человѣкъ, коихъ совокупные труды составили бы полезныя записки о древней исторіи особливо касающейся до Россіи.

Число членовъ сего собранія назначалось до десяти человѣкъ, которыхъ графъ Андрей Петровичъ избравъ, имѣлъ представить Ея Величеству. Между ими три или четыре должны были находиться такіе, кои не были бы обременены другими должностями, или же по крайней мѣрѣ могли имѣть достаточное время трудиться по сему порученію, имѣя за таковой трудъ нѣкоторое особое жалованье. Прилежаніе и точность при выборѣ въ сіе мѣсто долженствовали предпочтены быть остроумію.

Началомъ ихъ упражненія назначались осьмой вѣкъ, потомъ седьмой, затѣмъ шестой, и такъ постепенно должны были они всходить изъ вѣка въ вѣкъ до той древности, куда только писатели руководствовать ихъ могли.

Слогъ должны были употреблять простой, краткій и ясный. Сіи три качества, тутъ прямо свойственныя, всегда наблюдать были они обязаны.

Назначаемые къ сему упражненію должны были разобрать между собою древнія россійскія лѣтописи и внѣшнихъ писателей сочиненія по матеріямъ, какъ-то: Исторіи Греческой имперіи, Германіи, Польши, Даніи, Швеціи, Франціи, Англіи, Испаніи, Венгріи, Калифовъ Египетскихъ и Арабскихъ, Китайцевъ и проч.

Работа каждаго изъ нихъ, состоявшая въ краткихъ выпискахъ,

долженствовала быть подвержена единообразному порядку, всѣми наблюдаемому, т. е. чтобъ всякая статья содержала въ себѣ теченіе пяти лѣтъ, на-прим. отъ 800 года до 805, отъ 805 до 810 и такъ далѣе, и пять таковыхъ статей должны были составлять полное число для отдачи въ печать, почему каждому нумеру, изъ печати выходящему, назначалось содержать 25 лѣтъ, или четверть вѣка, что̀ казалось удобнымъ для сочинителей и читателей.

Когда упражнявшійся въ семъ дѣлѣ приносилъ свою краткую выписку изъ 25 лѣтъ взятой имъ исторіи, то оная переписывалась и ставилась въ такой порядокъ, чтобъ вдругъ можно было обнять взоромъ по крайней мѣрѣ теченіе пятилѣтняго времени исторіи. Лучшимъ сему примѣромъ положено имѣть книгу: L'art de vérifier les dates, но для удобности читателя графы ставить не вдоль, а поперекъ страницъ.

Хотя работа сія весьма сократилась бы, если бы выписывать одно только до Россіи касающееся; но для лучшаго порядка и для доставленія большей точности предполагалось сдѣлать сперва выписки изъ исторіи разныхъ земель и народовъ, чтобы послѣ заимствовать оттуда для Россійской Исторіи потребное. Впрочемъ такая работа, будучи кончена, могла быть обращена на пользу изданіемъ ея въ печать, для просвѣщенія юношества въ исторіи при его воспитаніи. Что точно до Россіи относится въ которой либо исторіи, отличать въ печати особымъ наборомъ буквъ, или отмѣтками, употребляемыми въ тисненіяхъ.

Какъ сіе собраніе будетъ состоять подъ Высочайшимъ покровительствомъ Ея Императорскаго Величества; то начальствующій надъ онымъ, раздѣляя труды между членами, наблюдая за успѣшнымъ и порядочнымъ его теченіемъ, исправляя ошибки, и собирая всѣхъ членовъ по надобности и по его усмотрѣнію, обязанъ былъ часто доносить Ея Величеству объ успѣхѣ, представлять труды собранія и отдавать по Высочайшему дозволенію въ печать.

Труды сего собранія предполагалось печатать въ вольной типографіи на кабинетномъ иждивеніи, и на всякіе расходы по собранію велѣно было отпустить на первое время *тысячу рублей* изъ Кабинета, кои въ расходъ употреблялись по распоряженію начальствующаго; по издержаніи ихъ обязанъ онъ былъ подать краткую вѣдомость Ея Императорскому Величеству для полученія вновь потребной суммы.

Лѣтъ около 20 назадъ случайно попался мнѣ одинъ экземпляръ трудовъ описаннаго выше собранія; покорнѣйше прошу Россійскую

Императорскую Академію принять оный отъ меня въ даръ для помѣщенія въ ея библіотекѣ.

Ст. Руссовъ.

Ноября 27.
1837 года.

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ БІОГРАФІИ

В. К. Тредіаковскаго *).

Сообщ. Академикомъ П. Пекарскимъ.

Его сіятельство Академіи наукъ господинъ президентъ, графъ Кирилла Григорьевичъ Разумовскій, слушавъ, что профессоръ Тредіаковскій отъ давняго времени въ Академію въ собраніе хожденіе не имѣетъ и что̀ дѣлаетъ неизвѣстно, приказалъ къ нему, профессору, послать указъ, дабы онъ подалъ въ канцелярію отвѣтъ: для чего онъ чрезъ столь долгое время въ Академію хожденія не имѣлъ и въ какихъ между тѣмъ дѣлахъ для пользы Академіи упражнялся, оные бы свои труды представить канцеляріи, а до того времени, покамѣстъ онъ того отвѣта не подастъ, жалованья ему не производить, и о томъ Коммиссару Панкратьеву дать ордеръ. Сентября 18 дня 1758 года.

Въ Канцелярію Императорскія Академіи Наукъ

Доноситъ

Профессоръ Василій Кіріловъ сынъ Тредіаковскій

а о чемъ, тому Пункты.

1.

Сего 1758 Года, Сентября 25 дня, получилъ помяненный я, Указъ Ея Императорскаго Величества изъ Канцеляріи Академіи Наукъ, которымъ требуется у меня отвѣтъ, 1) чего ради я чрезъ долгое время въ Академію хожденія не имѣлъ: 2) въ какихъ между тѣмъ дѣлахъ для пользы Академіи упражнялся: 3) чтобъ мои труды представить Академіи.

---

*) Изъ дѣлъ архива академической канцеляріи 1758 года, книга № 236. Въ собственноручныхъ донесеніяхъ Тредіаковскаго сохранено правописаніе подлинниковъ.

2.

Въ силу онаго Ея Императорскаго Величества указа отвѣтствую си Канцеляріи Академіи Наукъ слѣдующее.

3.

Не ходилъ, и нехожу въ собраніе съ 1757 Года почитай съ послѣднихъ его мѣсяцовъ, для того что Августа 20 дня впалъ въ болѣзнь, называемую Гемоптóзісъ, которая и по нынѣ по временáмъ продолжается. Тогожъ года, Ноября 20 дня, разнемогся я почитай къ смерти горячкою; а пользовалъ меня Г. Докторъ Салховъ, отъ которыя оправился я ужѐ около Троицына дня сего 1758 Года. О болѣзняхъ моихъ я давалъ знать собранію подпискою на присылаемыхъ ко мнѣ повѣсткахъ. Но хотя я отъ горячки и свободился; однако вскорѣ потóмъ получилъ толь жестокую сціатіку, что почитай оная ежедневно нынѣ меня мучитъ: такъ что, ни холоднаго, ни сыраго воздуха, каковъ чрезъ все нынѣшнее лѣто былъ, отнюдъ терпѣть не могу. Съ Іюня мѣсяца была въ домѣ моемъ оспа, сперва на сынѣ, а чрезъ 15 дней на служней дѣвчонкѣ, отъ чего не надлежало мнѣ, хоть бы и самъ былъ здоровъ и бодръ выходитъ вонъ и́зъ-дому, чрезъ полтретья мѣсяца. Не упоминаю о прежестокой моей гіпохондріи, которую какъ отъ сидѣнія за письмомъ, такъ, мню, и отъ крайнихъ печалей я себѣ получилъ.

4.

Сколько моихъ трудовъ, при которыхъ за письмомъ сидѣть мнѣ надлежало, извѣсна долженствуетъ быть сама Канцелярія. Умолчевая о премногихъ другихъ, репортомъ Его Графскому Сіятельству, Академическому Президенту объявленныхъ, 1756 Года: дважды переводилъ Ролленя, котораго древнюю Історію всю окончилъ, и сообщилъ тóмы Канцеляріи; осталось токмо переводить съ него жъ Древніе Науки. Но сколько печалей, кои меня въ крайнее изнеможеніе по степенямъ приводятъ, и дивлюсь, какъ давно не привели ужé въ совершенную меланхолію, о томъ доношу здѣсь канцеляріи: ибо имъ всѣ̈ начáло и продолженіе есть по причинѣ Академіи, а имен̈о:

5.

Всѣ мои силы напряжены были, что[б] пользу принесть Академіи, и услужить Обществу Ролленевымъ переводомъ, да и есть чемъ; и толь наипаче, что сихъ книгъ съ невѣроятною алчностію желалъ всякъ, и желаетъ понынѣ всякъ же изъ Россіанъ. Но четыре ужé тому года, какъ сія Исторія болѣе въ свѣтъ не производится. А остановка сія предвозвѣщена мнѣ сáмыми ругательными, но прито[м] еще и ни къ чему годными по мыслямъ стішонками, не знаю кѣмъ сочиненными. Да приметъ въ разсужденіе Канцелярія, не могloль сіе внутренность мою не поразить токмо, но и разразить: чемъ я тщался показать себя свѣту, того сáмаго средства и лишенъ нечаянно.

6.

Доношу теперь о другихъ ударахъ, и[з] о всѣхъ уязвляющихъ нестерпимо. Сочинилъ я стіхами всю Псалтирь, и доказательство о бытности Божіей, названное Ѳеоптіею. Сіи книги, какъ духовные, освидѣтельствованы Святѣйшимъ Правительствующимъ Сінодомъ, и дано мнѣ писменное засвидѣтельствованіе о право[м] ихъ разумѣ. Съ симъ просилъ я Канцелярію Академіи Наукъ, чтобъ ихъ напечатать на моемъ иждивеніи. Но паче моего чаянія, по двухъ разныхъ, и въ разной силѣ опредѣленія[х], наконецъ совершенно мнѣ отказано въ моемъ прошеніи; въ чемъ и постороннимъ нѣкоторы[м] отказа не бывало. Сіе вкоренившуюся ужé въ меня печаль, еще болѣе послужило умножить, и гіпохондрію воспитать: не стало у меня средства, чрезъ которое могъ бы свѣтъ видѣть мое раченіе

7.

Однако, я не лишался вдругь бодрости: тщался маленькими піесами, вносимыми въ Ежемѣсячныя Сочиненія, казать мой трудъ. Но Гдн Конференцъ Секретарь Миллеръ разгласилъ, что отъ меня ничего не велѣно принимать, а того[ж] де ради и Ролленевы Исторіи печатаніе остано[в]лено. Канцелярія изволитъ чувствовать, что сія разгласка, и еще отъ недоброхота моего, не могла меня и того болѣе еще не ввергнуть въ печаль. Но вотъ увидѣлъ и точное исполненіе сему.

8.

Сочинено мною Разсужденіе (по́слѣ двухъ, внесенныхъ въ Книшки, а именно о Гораціяхъ и Куріаціахъ, да о Стіхотворствѣ Россійскомъ древнемъ, среднемъ и новомъ) объ окончаніи нашихъ прилагательныхъ множественныхъ мужескихъ именъ, которое не токмо аппробовано, но уже́ начато было и печатію производиться: однако, брошено и уничтожено, да и гдѣ оно нынѣ, не знаю *). Пять Разсужденій, формою писемъ къ пріятелю, о всей силѣ нравоучительныя Філософіи, изъ которыхъ первое всѣмъ собраніемъ аппробовано, а четыре послѣднія не читаны, уничтоженыжъ, и гдѣ они, не знаюжъ. Разсужденіе формоюжъ письма́ объ окончаніяхъ собственныхъ нашихъ именъ женскихъ, съ Греческихъ и Латінскихъ на асъ и на ісъ, также аппробованное, уничтоженожъ. Піеса стішками о выборѣ невѣсты, врученная самому́ Его Графскому Сіятельству, которая не неосновательною мнѣ казалась, уничтоженажъ. Аллегоріческая нѣкоторая Басенка Стіхами безъ Риѳмъ, которую двое изъ бывшихъ тогда въ собраніи членовъ аппробовали, а двое отреклись не знаніе[м] силы въ стіхахъ Россійскихъ, и которыя печатаніе далъ на волю Его Графское Сіятельство, уничтоженажъ. Все сіе отчасу болѣе и болѣе умножало во мнѣ горесть. Сею ежечасно терзаясь, мнилъ я что конечно уничтоженіе сіе дѣлается моимъ піесамъ не отъ презрѣнія ко мнѣ, но отъ недостатковъ сочиненія моего. Однако уразумѣ[л], что все сіе происходило отъ ненависти ко мнѣ. Сочинилъ я. Оду, назвавъ ея Вешнее Тепло, и тѣ[м] утаивъ мое имя въ двухъ начальныхъ буквахъ, да и вручилъ конференцъ Секретарю постороннимі руками. Расхвалена́ сія Ода, и въ Книшкахъ напечатана. Хотяжъ мнѣ и посчастилось въ подставѣ чужаго Автора; однако сей са́мый успѣхъ низвергъ меня почитай въ отчаяніе: ибо увидѣлъ подлинно, что презрѣніе стремится токмо на меня, а не на труды мои. Сіе са́мое испыталъ я и еще двѣмя пошлыми Піесами, изъ которыхъ первая о беспорочности и пріятности деревенскія жизни, а другая о шолкѣ и червяхъ шолковыхъ. Первая оная такъ тіпографщиками изгажена, что я въ сомнѣніе пришелъ, не нарочноль сіе здѣлано для безчестія мнѣ, можетъ быть почувствовавши, что она моя́. Писа[л] я длятого письмо къ издателю, и жаловался, что такъ дурно и развращенно съ сочиненіемъ

*) Эта статья Тредіаковскаго напечатана въ Запискахъ Академіи 1866 г. т. VIII, кн. II, прилож. № 7, стр. 102—116.

мои[м] поступлено: но онъ, свѣда[в] уже́ подлиннѣе о мнѣ, уничтожилъ токмо вторую, хотя и прошена была назадъ, о шолкѣ; а того удовольствованія, котораго я требова[л] первой Піесѣ, здѣлать полнаго не разсуди[л] за благо, для того что было бъ то по моему прошенію.

9.

Прежде нежели вручены были стороною обѣ сіи Піесы, былъ я въ собраніи, и по́мнится что въ Іюнѣ мѣсяцѣ: та[м] спроси[л] при всемъ собраніи Гдна Конференцъ-Секретаря, по какойбы онъ вла́сти, и по чьему повелѣнію, лишаетъ меня моего законнаго права, тѣмъ что моихъ піесъ не принимаетъ отъ меня въ Книшки, и апробованныхъ не печатаетъ. Но онъ мнѣ на то съ презрѣніемъ, какъ бутто должны[м] уже́ и заслуженнымъ, отвѣтствовалъ при всемъ же собраніи, что не долженъ мнѣ ничего сказать, сколькобъ я его ни спрашивалъ. Гдѣжъ то узаконено, что[б] члену Секретарь не долженъ былъ ничего сказывать? Труднобъ терпѣть и великодушному человѣку, бывшему на мое[м] мѣстѣ. Однако я извнѣ замолчалъ, а внутри раздирался на ча́сти.

10.

По́слѣ сего, ненавидимый въ лице, презираемый въ словахъ, уничтожаемый въ дѣлахъ, охуждаемый въ искусствѣ, прободаемый сатіріческими рогами, изображаемый чудовищемъ, еще и во нравахъ (что сего безсовѣснѣе?) оглашаемый, всежъ то или по злобѣ, или по ухищренію, или по чаянію отъ того пользы, или наконецъ по собственной потребности, что[б] употребляющаго меня праведно, и съ тверды[м] основаніе[м] (и), въ окончаніяхъ прилагательныхъ множественныхъ мужескихъ цѣлыхъ, всемѣрно низвергнуть въ про́пасть безславія, всеконечно уже́ изнемогъ я въ сила́хъ къ бодрствованію: чего ради, и настала мнѣ нужда уединиться, видящему толь обидные со мною поступки, и толь предосудительные, а не заслуженные. Въ сокрушеніяхъ и печаляхъ находясь всечасно, лиши[л]ся и надежды, единственнаго подкрѣпляющаго средства, къ произведенію себя въ лучшее состояніе: всѣ пути заграждены для меня. Вотъ же впалъ и въ не́мощи; а печальми терзаясь и болѣзньми мучась, ожидаю нынѣ токмо, въ крайнемъ беспокойствіи, смерти.

11.

Толь общему сему въ Академіи презрѣнію ко мнѣ, полагаю я двѣ причины. Первая, протестъ моего несогласія на седмый параграфъ первыя главы, изъ предложеній Гдна Ассессора, нынѣ Гдна Совѣтника, Тауберта, читанныхъ въ академическомъ собраніи. Несогласился и не подписался я для того, что оный параграфъ противенъ 30 пункту Академическаго Регламента, противенъ и указамъ блаженныя и вѣчнодостойныя памяти Гдря Императора Петра Великаго, противенъ и правотѣ натуральной, противенъ и чести Академиковъ Россійскихъ, изъ которыхъ всѣхъ на все, или уже по самой большой части, долженствуетъ впредь состоять Академическое Собраніе, по силѣ 36-го пункта, въ Академическомъ Регламентѣ, ежели выписанному вновь на первый случай чужестранному члену, давать тотчасъ старшинство, или первенство предъ служившими и служащими давно Россійскими Членами. Вторая, ложное подозрѣніе на меня о сочиненной невѣдомо кѣмъ критикѣ, на сочиненія Гдна Совѣтника Теплова Сіе подозрѣніе толь мнѣ дорого стало, что едва я себя съ отчаянія добровольной не предалъ смерти. Да и какъ было терпѣть! Гдинъ Тепловъ, призваннаго меня въ домъ Его Графскаго Сіятельства, не обличивъ, и не доказавъ ничемъ, да и не чемъ пустымъ, ругалъ какъ хотѣлъ м....., и грозилъ шпагою заколоть. Тщетная моя была тогда словесная жалоба: и какъ я на другой день, принесъ писменное прошеніе Его Графскому Сіятельству; то одинъ изъ лакеевъ, увидѣвъ меня въ прихожей, сказалъ мнѣ, что меня пускать въ камеры не велѣно. А понеже я съ природы не имѣю нахальства, смѣю похвалиться; то, услышавъ такое запрещеніе отъ лакея, тотчасъ вонъ побѣжалъ, чтобъ скоряе уйти домой, и съ собою унесть свой стыдъ, а о прошеніи уже моемъ, хотя и законномъ, позабылъ и помышлять. Да благоволитъ помыслить Канцелярія, малыль всѣ сіи причины, и не предовольныль, въ разсужденіи состоянія моего при Академіи, къ приведенію меня, служащаго въ ней чрезъ столько лѣтъ, и тщавшагося наслаждаться плодами трудовъ, напротивъ того во всеконечную горесть, изнеможеніе, и бѣдность? И подлинно, совсѣмъ я ослабѣлъ, и сталъ унылъ, дряхлъ, безсиленъ, отчаянъ, и самому себѣ въ тягость.

12.

Однако, сколь мысли мои нынѣ ни помраченны всегда, но, когда или болѣзнь моя не толь жестоко меня томитъ, или хорошее

и погодное время настоитъ, не оставляю того (сіе есть второе, о чемъ указомъ повелѣно мнѣ отвѣтствовать), чтобъ не продолжать Ролленевыхъ оставшихся Древностей: ибо хотя Роллень и не продолжается печатію; но мнѣ не повелѣно покинуть сей переводъ. Подлинно, не толь неусыпно его продолжаю, коль прежде, потому что не попрежнему я бодръ и силенъ; однако надѣюсь на помощь Гдню, что, ежели не умру вскорѣ, окончу по маленьку и сіи оставшіеся его Древности, не меньше полезные, коль и вся его Исторія, оконченная уже мною, какъ доноситъ. Доношу притомъ, что, когда переводъ утрудитъ, читаю я Авторовъ Латінскихъ, Французскихъ, Польскихъ и нашихъ древнихъ, а читаю ихъ не для любопытства, но для пользы всей Россіи: ибо сочинилъ я три большіе діссертаціи, первую о Первенствѣ Славенскаго языка предъ Тевтонически; вторую о родоначаліи Россовъ; а третію, о Варягахъ Руссахъ, Славенского званія, рода, и языка. Донесть было мнѣ способно, что сочинилъ сіи три діссертаціи; но съ неописаннымъ трудомъ доискиваюся я въ читаемыхъ Авторахъ свидѣтельствъ, подтвержденій истиннѣ, и самыхъ Основаній. Онѣ всѣ три у меня подъ одни имене третіея діссертаціи; такъ что, обѣ первые служатъ какъ бутто какими помощными третіей. Сія книга, ежели бъ ея печатать, будетъ съ четыре Ежемѣсячные Книжки. Нынѣ ея, когда поможется, разцвѣчиваю, дополняю, поправляю и накрѣпко разсматриваю. Но буде приведу въ желаемое мною совершенство, и не умру, то, когда потребуется, не премину взнесть въ Канцелярію.

13.

Третіе, чего Канцелярія отъ меня требуетъ, а именно, чтобъ представить ей мои труды, донесенные выше представлено. Но взнесть изъ Ролленевыхъ оставшихся Древностей то могу, что перевелъ; однако малое, и то безъ конца. Чего ради, да благоволитъ еще нѣсколько подождать Канцелярія: имѣетъ быть она удовольствована. Да видитъ, когда угодно, первую мою работу; шесть томовъ еще цѣлыхъ представитъ она себѣ въ тетратяхъ, для того что четыре токмо напечатаны.

14.

Донесено Канцеляріи, что нехожденію моему въ собраніе, причина болѣзни. Однако, чувствуетъ, мню, она, что и дома уединенъ пребывая, не сижу празденъ, когда попускаетъ слабость. Отъ мно-

гихъ опытовъ долженствуетъ быть ей извѣсно, что я не обыкъ къ празности, и въ трудолюбіи едва кому изъ Академіковъ уступить могу: дватцать восемь лѣтъ службы безпорочныя и ревносныя да удостовѣряютъ ея о сей истинѣ. Съ другой стороны, сколько она нынѣ ни видитъ Россійскихъ стіховъ, отъ разныхъ авторовъ составляемыхъ; то въ составѣ сихъ Стіховъ, по количеству ихъ, видитъ она мой собственной плодъ, и тотъ новый.

15.

Но нынѣ гонимый, утѣсняемый, презираемый, впадшій въ болѣзни и нестерпимую горесть, не имѣющій помощи, и лишившійся всея надежды, лишаюсь еще и дневныя пищи: многажды просилъ у Коммісара заслуженнаго моего жалованья, но прозьба моя есть только втуне. И какъ несчастіе бываетъ обыкновенно подвержено многимъ сомнительства; то мечтается мнѣ толь неблагополучно, что нѣтъ ли запрещенія и коммісару о выдачѣ мнѣ жалованья. И буде Канцелярія находитъ справедливы, что мнѣ не давать жалованья, то, казалось бы, справедливѣе меня отрѣшить совсѣмъ отъ Академическія службы, а не приводить числимаго въ службѣ къ крайности голода и холода съ женою и съ дѣтьми: я сея немилости ниче незаслужилъ: въ сей бѣдности помочь себѣ могу развѣ только проданіе дворишка: весь уже въ долгу, хотя и не мотаю, благодаря Богу. Да положится, что я къ службѣ Академической и неспособенъ и негоденъ; то сія неспособность моя и негодность, могутъ послужить и благовидною причиною къ отрѣшенію меня безъ сожалѣнія, ежели не можно и не должно пристойнѣйшимъ и милостивѣйши образо, хотя и для многолѣтныя моея службы. Я почту мнимую сію негодность мою несравненно меньшимъ себѣ зломъ, какъ умывающійся ежедневно горькими слезами въ Академической службѣ, нежели толикое утѣсненіе и презрѣніе: лучше мнѣ по-Міру скитаться, а нежели претерпѣвать незаслуженную Ненависть и Гоненіе, да и всякій часъ почитай ума лишаться съ безпокойствія.

16.

Того ради ожидая себѣ всеконечнаго отрѣшенія отъ Академическія службы, какъ милости, и какъ полнаго награжденія за всѣ мои труды, какъ бы сіе Отрѣшеніе ни воспослѣдовало, чесно, или мнѣ бесчесно, прошу приказать между тѣ выдать мнѣ заслужен-

ное мое жалованье: и несправедливо осужденъ буду, ежели осужденъ, чрезъ удержаніе жалованья умирать голодомъ и холодомъ, какъ бутто винный предъ должностію моею. И какъ то ни есть; только у меня нѣтъ ни полушки въ домѣ, ни сухаря хлѣба, ни дровъ полѣна. Да благоволитъ вѣдать Канцелярія; я по сіе время не былъ виненъ ни предъ должностію моею, ни предъ надзирающими должность мою, и ни предъ кѣмъ изъ равныхъ мнѣ. Я трудился понынѣ почитай сверхъ силъ, а отнынѣ работаю ужé по силамъ: слабости, немощи, и печали тому причина. Наконецъ, я никого не виню въ моемъ несчастіи: Преверьховное Правосудіе меня казнитъ за беззаконія и грѣхи мои; Оно меня по судьбамъ своимъ поставило въ сихъ Академическихъ расположеніяхъ: ибо предъ нимъ я виноватъ безъ числа, а не предъ Академіею и предъ Академіками. Сіе есть, что я долженъ донесть въ отвѣтъ, по силѣ даннаго мнѣ Ея Императорского Величества Указа изъ Канцеляріи Академіи Наукъ, и о чемъ мнѣ надлежало просить Канцелярію, дабы благоволила учинить мнѣ не въ продолжительномъ времени рѣшеніе, а между тѣмъ выдать заслуженное мое жалованье. Доношеніе писалъ я, профессоръ Василій Тредіаковскій, и руку приложилъ 28 Сентября, 1758.

Въ Канцелярію Академіи Наукъ

Доношеніе

Отъ Профессора Василья Кирилова сына Тредіаковскаго

а о чемъ, тому Пункты.

1.

Прошедшаго Сентября 28 дня, сего 1758 года, поданнымъ доношеніемъ въ отвѣтъ по силѣ Ея Императорскаго Величества Указа изъ Канцеляріи Академіи Наукъ, просилъ я именованный Канцелярію Академіи Наукъ между прочимъ и о выдачѣ мнѣ заслуженнаго жалованья: ибо я, за неполученіемъ онаго, претерпѣваю голодъ и холодъ.

2.

А нынѣ увѣдомился, что Комисаръ имѣетъ ордеръ о непроизвожденіи мнѣ указнаго жалованья; а за какое мое преступленіе,

того я незнаю: знаю только, что нѣтъ моего ни помышляемаго, не то что дѣйствительнаго преступленія: и что, напротивъ того, самъ претерпѣваю, вмѣсто чаемаго одобренія за долголѣтнюю, безпорочную и небезполезную мою службу, нестерпимое честному и ревностному человѣку притѣсненіе, какъ то я увѣдомилъ Канцелярію оны" мои" отвѣтны" доношеніемъ отъ 28 дня Сентября.

3.

Того ради, паки прошу Ка"целярію Академіи Наукъ, приказать, выдать мнѣ заслуженное по нынѣ жалованье, а удержаніемъ онаго не штрафовать меня ниче" непровинившагося предъ Академією, и тѣ" не морить меня напрасно и безвременно. Доношеніе писалъ я Василей Тредіако^вскій, и руку приложи^л. Ноября 3 дня. 1758 года

Въ Канцелярію Імператорскія Академіи Наукъ

Доношеніе

Отъ Профессора Василья Кірілова сына Тредіако^вскаго

а о чемъ, тому Пункты

1.

Сего 1758 года просилъ я именован"ый двумя доношеніями Канцелярію Імператорскія Академіи Наукъ, о выдачѣ мнѣ заслуженнаго жалованья; а первымъ изъ тѣхъ 28 дня Сентября и объ отрѣшеніи меня, какъ претерпѣвающаго несносное утѣсненіе и гоненіе: но по нынѣ на оныя не получилъ рѣшенія.

2.

Нынѣ увѣдоми^ся, что всѣ", какъ Члена" Академічески", такъ и служителямъ, опредѣлено дать жалованье, которое и выдается дѣйствительно: но мнѣ оное и по сіе время еще не дано; а видно что и запрещена^ дача; но за какое мое преступленіе, мнѣ неизвѣстно.

3.

Того ради, прошу Канцелярію Академіи Наукъ, приказать и мнѣ также, какъ и всѣмъ прочимъ, произвесть дачу жалованья, которое мнѣ опредѣлено высочайшимъ Ея Імператорскаго Величества Ука-

зомъ: ибо я ни чемъ не заслужилъ, что[6] оное у меня удерживать, и толь наипаче, что вина моя, буде есть какая, (я впрочемъ никакія не признаваю) мнѣ не сказана, и въ ней я не изобличенъ, а однако стражду не токмо гоненіе и обиды, но ужé и осужденіе безъ всякаго суда. Доношеніе писалъ я Васілій Тредіаковскій, и руку приложилъ. 15 Ноября 1758 года.

---

23 декабря 1758 г. графъ Разумовскій приказалъ объявить чрезъ академическую канцелярію Тредіаковскому, «чтобъ онъ въ Академію ходилъ и должность свою отправлялъ по прежнему; а доколѣ хожденія имѣть не станетъ и не покажетъ, въ чемъ чрезъ цѣлые два года трудился для пользы Академіи, жалованья ему не производить.»

4 января 1759 г. «петербургская банковая контора вексельнаго производства для обращенія внутри государства мѣдныхъ денегъ и въ нихъ содержанія баланса» просила академическую канцелярію удержать изъ жалованья Тредіаковскаго выданную ему оттуда ссуду, срокъ платежа которой наступалъ 20 января. Канцелярія отвѣчала, что жалованье Тредіаковскому не производится по распоряженію президента Академіи Наукъ до тѣхъ поръ, пока не подастъ онъ извѣстія о своихъ трудахъ и не будетъ ходить въ канцелярію.

Всепресвѣтлѣйшая, державнѣйшая, великая государыня императрица, Елисавета Петровна, самодержица всероссійская, государыня всемилостивѣйшая!

Бьетъ челомъ Академіи наукъ профессоръ Василій Кириловъ сынъ Тредіаковскій, а о чемъ тому слѣдуютъ пункты:

1.

Служу я, нижайшій, при Академіи наукъ двадцать восемь лѣтъ безпорочно: предкамъ вашего императорскаго величества съ 1730 года студентомъ, а съ 1733 по 1741 годъ секретаремъ; вашему императорскому величеству съ 1741 года по 1745 секретаремъ же, а съ 1745-го понынѣ профессоромъ, исполняя всѣ полагаемыя на меня должности со всякою возможною ревностію и вѣрностію.

2.

Нынѣ отъ долговременныхъ и премногихъ трудовъ, впалъ я въ тяжкія болѣзни, а отъ разныхъ человѣческихъ приключеній

въ бѣдность, въ печали, и почитай въ непрерывное затмѣніе мыслей; такъ что сдѣлался крайно неспособнымъ къ продолженію службы вашему императорскому величеству при Академіи наукъ, гдѣ свѣтлость разума требуется, не токмо ничѣмъ непомраченнаго, но и одобреннаго, и всегда ободряемаго.

И дабы высочайшимъ вашего императорского величества указомъ повелѣно было сіе мое прошеніе принять въ канцелярію Академіи наукъ и во всемилостивѣйшемъ разсужденіи долговременныя моея, беспорочныя, многотрудныя и не бесполезныя при Академіи наукъ службы, и также въ разсужденіи неспособности ужé моея къ дальнѣйшему продолженію равномѣрнымъ образомъ оныя, повелѣть: 1) отставить меня надлежащимъ порядкомъ отъ академическія службы; а 2) выдать заслуженное мною жалованье, а именно за майскую и сентябрскую трети прошлаго 1758 года по нынѣ изъ академическія суммы.

Всемилостивѣйшая государыня! прошу вашего императорского величества о семъ моемъ прошеніи рѣшеніе учинить. Января « » дня 1759 году. Къ поданію подлежитъ въ канцелярію Академіи наукъ. (Прошеніе это писано писцомъ, и только по пунктамъ подписано Тредіаковскимъ.)

Просьба записана въ канцеляріи 23 марта 1759 г., а 30 числа того же мѣсяца было сдѣлано распоряженіе объ уплатѣ за Тредіаковскаго 200 руб., должныхъ имъ банковой конторѣ вексельнаго производства, и о выдачѣ, по день увольненія изъ Академіи (т. е. по 30 марта 1759 г.), причитающагося жалованья.

Въ Канцелярію Академіи Наукъ

Доношеніе

Отъ Профессора Василья Кірілова сына Тредіаковскаго,

а о чемъ, тому пункты.

1.

Прошедшаго Апрѣля 2 дня, присланъ ко мнѣ Канцеляріи Академіи Наукъ съ поячи экстрактъ съ опредѣленія, подписаннаго, какъ въ немъ явствуетъ, прошедшагожъ Марта 30 дня, слѣдующаго содержанія, а именно, 1) что по желанію моему, въ силу объявленныхъ отъ меня резоновъ, отъ Академіи я уволенъ: 2) что о томъ опре-

дѣленіи какъ Его Сіятельствомъ, Ясновельможнымъ Гетманомъ, и Академіи Наукъ Гдн̃омъ Президенто^м^, Графомъ Кирілою Григорьевичемъ Разумовскимъ, такъ и прочими Гд̃ами присутствующими въ той Канцеляріи по^а^писано: и что 3) по то число невыданое мнѣ жалованье выдать велѣно.

2.

Но такой экстрактъ, какъ ни к$\overline{\text{Ѣ}}_{\text{м}}$ неподписан^н^ый, хотя и рука вѣдома, и лицо того по^а^ячаго, которымъ принесенъ, служилъ бы мнѣ только, ежели онъ неподложный, для простаго извѣстія, а не точны^м^ видомъ увольненія: ибо даются обыкновенно челобитника^м^ копіи съ опредѣленія за руками; да есть о семъ и указъ.

3.

И хотя я неоднократно просилъ Академическія Канцеляріи секретаря, что^б^ мнѣ дана была точная копія съ онаго опредѣленія за рукою; однако, онъ отговаривается, что ему нѣтъ на то приказу: по чему видно, что Академическія Канцеляріи Секретарь человѣ^к^ незаобыкновенный при дѣлахъ. А съ другой стороны, можетъ быть, что мнѣ захотѣ^а^ онъ и насмѣяться присланіемъ (ибо не смѣлъ бы по^а^ячей собою то здѣлать) не дѣйствительныя записочки объ увольненіи отъ службы меня Профессора, пожалованнаго имяннымъ Ея Императорскаго Величества Указо^м^, и еще са́маго перваго изъ Россійскаго всеподданѣйшаго Народа, имѣющаго при то^м^ Дипломъ, и потому всегда и вездѣ Члена Императорскія Академіи Наукъ, а сверьхъ того, бывшаго въ службѣ до старости вѣрно, ревносно, и усердно, да и не учинившаго ни са́маго малаго преступленія, и слѣдовательно ниче^м^ и никогда не штрафованнаго, но напротивъ того, принесшаго довольно какъ пользы, въ принесеніи (sic) сея совокупно и всему Обществу, такъ и че́сти Академіи Наукъ.

4.

Того ради, прошу Канцелярію Академіи Нау^к^ велѣть мнѣ дать точную копію съ опредѣленія о моемъ уволненіи за рукою Секретарскою, означенную тѣмъ числомъ, въ кое она спишется, или какой другой видъ увольненія, согласный съ законами: а я и поны́нѣ, не имѣя достовѣрности въ увольненіи, работаю по силѣ для пользы Академическія, въ чемъ ссылаюсь на подписан^н^ыи мною кавыченыи

листы; и по тому требую себѣ по законному праву заслуженаго жалованья за́-два дня Мартовскія, да за прошедшій цѣлый Апрѣль, и по то число сего Маія, въ кое мнѣ дастся достовѣрное увольненіе. Доношеніе писалъ я Василій Тредіаковскій и руку приложилъ 3 маія 1759 года.

12 мая 1759 г. академическая канцелярія, по выслушаніи этого прошенія, опредѣлила:

«ему, Тредіаковскому, списавъ съ опредѣленія о увольненіи его отъ Академіи копію дать за скрѣпою секретарскою, а въ жалованьѣ ему отказать, ибо онъ, по увольненіи, дѣйствительно уже выключенъ изъ академическаго штата. А что касается до того, что онъ приватно исправилъ одинъ листъ послѣдней корректуры печатающейся въ типографіи книги переводу его Ролленевой Исторіи, и за то жалованья получать не долженъ, ибо онъ то дѣлалъ не по приказу канцеляріи, но собою отъ типографщиковъ требовалъ. А понеже онъ изъ того поводъ беретъ жалованья себѣ требовать, то оныхъ корректурныхъ листовъ болѣе къ нему не посылать, и о томъ фактору Лыкову и корректору Барсову дать ордеры, а для вѣдома объ немъ, Тредіаковскомъ, что онъ отъ академической службы совсѣмъ уволенъ, послать въ академическое и историческое собраніе указъ, а въ другихъ департаментахъ объявить.»

Въ Канцелярію Академіи Наукъ

Доношеніе

Отъ Профессора Василья Кирілова сына Тредіаковскаго, а о чемъ, тому пункты.

1.

Сего 1759, Марта 30 дня, въ Канцеляріи Академіи Наук воспослѣдовало, по моему прошенію, опредѣленіе объ увольненіи меня отъ Академическія службы.

2.

А нынѣ намѣренъ я отъѣхать отсюду вскорѣ, для собственныхъ моихъ нуждъ и для житья, въ Москву; но безъ Пашпорта изъ Санктпетербурга выѣхать не позволяется.

3.

Того ради, прошу Канцелярію Академіи Наукъ, снабдить меня для отѣзда моего въ Москву, надлежащимъ Пашпортомъ: ибо хотя и уволенъ я отъ Академическія дѣйствительныя службы, и потому исключенъ изъ штата жалованного, однако не могу никогда быть отрѣшенъ отъ принадлежности къ Академіи Наукъ, какъ Профессоръ пожалованный именнымъ Ея Императорскаго Величества Указомъ въ Академію, и какъ членъ Академическій всегда, имѣющій на то дипломъ. Доношеніе писалъ и Василій Тредіаковскій и руку приложилъ. Іюня 17 дня 1759 года.

Академической библіотекѣ за Тредіаковскимъ значились лексиконы Фабра и Ришле. По канцелярскому опредѣленію, за этими изданіями ходилъ служившій при библіотекѣ Андрей Богдановъ, которому Тредіаковскій далъ слѣдующій собственноручный отзывъ:

«Pour ce qui regarde les Dictionnaires de Richelet et de Faber; la Chancelerie m'en a fait présent. J'en apelle à Mr le Conseiller de Schumacher, et à Mr. l'Assesseur d'alors, Teploff: car il y a dans la Chancelerie de ce don, pour mes services, un acte, signé par les mentionés membres de La Chancélerie. Le 22 Avril 1759.

B. Trediakoffski.

23 іюня 1759, академическая канцелярія постановила: «понеже профессору Тредіаковскому лексиконы подарены отъ академической канцеляріи изъ дуплетовъ, того ради приказали оные лексиконы изъ библіотечного каталога выключить»...

Въ Канцелярію Императорскія Академіи Наукъ.

Доношеніе

отъ профессора Василья Кирілова сына Тредіаковскаго, а о чемъ, тому Пункты

1.

Сего 1759 года, поданнымъ прошеніемъ въ Канцелярію Академіи Наукъ, просилъ я объ увольненіи меня отъ Академическія службы надлежащимъ порядкомъ.

2.

На оное мое прошеніе воспослѣдовало сего жъ 1759 года, Марта 30 дня, рѣшеніе въ Канцеляріи Академіи Наукъ, именно жъ, уволенъ я отъ академическія службы, и выключенъ изъ академическаго жалованнаго штата.

3.

И какъ при семъ увольненіи не-дано мнѣ о долговременной моей, прилѣжной, и беспорочной службѣ, съ удостоеніемъ къ повышенію рангомъ въ награжденіе, надлежащаго по указамъ Аттестата, съ которымъ бы я могъ явиться въ Правительствующій Сенатъ, и просить себѣ того награжденія: то вчерашняго числа, то есть Іюня 22 дня, предста[л] я предъ ясновельможнаго Гетмана, Академическаго Гдна Президента, Сіятельнѣйшаго Графа Кирілу Григорьевича Разумовскаго, прося его покорнѣйше о снабдѣніи меня такимъ Аттестатомъ.

4.

Его Сіятельство, выслушавъ мою прозьбу съ природною своею благосклонностію, и увидѣвъ оную что законна, приказалъ мнѣ доношеніе подать въ канцелярію Академіи Наукъ о полученіи себѣ такова Аттестата.

5.

Того ради, покорно прошу Канцелярію Академіи Наукъ, благоволить снабдить меня Аттестатомъ о долговременной, прилѣжной и беспорочной службѣ, съ удостоеніемъ къ повышенію такимъ рангомъ, въ какой изъ Профессоровъ Академическихъ, какъ россійскихъ такъ и чужестранныхъ, повышаемы были прежде меня; или ужé въ такой, въ какой Его Сіятельство удостоилъ меня, нѣсколько немного лѣтъ предъ си, въ докладѣ Ея Императорскому Величеству, объявленномъ мнѣ чрезъ покойнаго секретаря Петра Ханина, за которой засвидѣтельствовано было тогдажъ достодолжное благодареніе мною Его Графскому Сіятельству самолично. Доношеніе писалъ я профессоръ Василій Тредіаковскій, и руку приложилъ, Іюня 23 дня, 1759 года.

По этой просьбѣ въ Канцеляріи былъ составленъ такой аттестатъ:

«Изъ канцеляріи Академіи наукъ данъ г. профессору Василью Тредіаковскому въ томъ, что онъ ея императорскому величеству служилъ при Академіи наукъ съ 1733 по 1745 годъ секретаремъ (зачеркнуто «ученаго собранія»), а въ ономъ году именнымъ ея императорскаго величества указомъ пожалованъ въ профессоры элоквенціи какъ россійской, такъ и латинской, и находился во ономъ чину по нынѣшній 1759 годъ добропорядочно. А Марта 30 числа сего году, по прошенію его, коимъ представлялъ, что за приключившимися ему болѣзньми служить онъ болѣе при Академіи не можетъ, отъ академической службы уволенъ. И по долговременной его при Академіи службы онъ, г. Тредіаковскій, къ повышенію чина достоенъ. Іюля 23 дня 1759 года.» Аттестатъ, подписанный гр. Разумовскимъ и Штелинымъ, получилъ сынъ просителя, Левъ Тредіаковскій.

ЗАМѢТКА А. Ѳ. БЫЧКОВА О СЛАВЯНСКИХЪ ПАЛИМПСЕСТѢ.

(См. выше стр. VIII и IX.)

Этотъ палимпсестъ состоитъ изъ 6 листковъ, въ 4 д. л., составлявшихъ, какъ видно изъ помѣты, находящейся внизу, 23-ю тетрадь Сборника, а можетъ быть Пролога, писаннаго полууставомъ двухъ почерковъ въ XIII—XIV вѣкѣ. Смытыя письмена принадлежали рукописи, которая была писана въ листъ, въ два столбца, въ XII столѣтіи.

Отрывокъ этотъ, переписанный южнымъ Славяниномъ, любопытенъ въ томъ отношеніи, что содержитъ въ себѣ только житія русскихъ святыхъ, а именно:

а) л. 1. Мц҃а ила вь а҃і дн҃ь ст҃ыѧ мꙋченицѣ Ефмѧ (*Евѳиміи*). В тыї же ден и оуспенѥ блаженыѧ Вольгы кнѧгынѧ царица Роськьѧ. *Нач.* Си блаженаꙗ Олга, родомь Плсковытынѣ, жена же Игорова, кнѧза всеѧ Роускыї земѧ, ѥже сѣдѣше вь Кыевѣ.

б) л. 2. Мц҃а (*т*)ого же вь в҃і дн҃ь прѣблаженоу моученикꙋ Варѧга и сн҃а его (*И*)вана, (*оу*)биенꙋю вь Кыевѣ.

в) л. 3. Мц҃а того е҃і Киріка и ꙋлиты. Вь тьж дн҃ь ꙋспениѥ блаженаго и великаго кнѣза Володимира, кр҃тившаго всоу Роускоую землю. *Нач.* Сьи ꙋбо Володимирь бѣ сн҃ь ст҃ославль ѿ племене Ва-

ражьского и перьвѣк кь идоломь много тьщаник твора по ѡчю прѣданию.

г) л. 5 об. Слово ѡ мадрости (д)шевнѣй, ѡ пльтьстѣй, ѡ батьствѣ, ѡ млостини, и блви ѡче. *Нач.* Соуть на земли мнозии, любаще пльтьскѫѩ мѫдрость, ти прѣдьржать саны, и чьсти поискываѫще, и собраниꙗ свѣта сего, и ꙗзыкы своими брани и долениꙗ тварѣють..... Безъ конца.

Сообщаю изъ палимпсеста вполнѣ житіе Варяжскихъ мучениковъ:

Владимирь великы, кще погань сы, побѣди Ꙗтьвѣгы и пришедь в Кыевь и творѣше жртвоу идоломь сь боꙗры о побѣди. Рѣша стари: мечамь жраби на сны и на дщери наша, да изрѣжемь бомь нашимь. И бѣше нѣхто члкь Бги именемь, Варагь родомь, пришел бѣ ись Цраграда (съ) сномь своимь Иванмь, садаше вь Кыкевѣ, дрьжа вѣроу крьстьꙗньскѹю, и сего не трьпѣше дьꙗволь, власть бо имѣꙗше надь всами, а се кмоу бѣше ꙗко оражие вь сдци, не могы емѹ що створити, наоучи на нь лѹди. И рѣша придьше к немоу послани: паде жрѣби на снь твои, вьзлѹбиша бо бзи наши, да его створимь трѣбѹ *)бомь нашимь. Ѡнь же реч не сѹть бзи, на дрѣво истесано, бездшно и помалѣ сгниеть; ни ꙗдать бо, ни пиать, ни мльвить. Бго бо кдн есть на небесехь, кмоу же слоужать Грци, вь има Гга Иса Хга крщена есвѣ, ты бо створи небо и земалю; а ваши бози что створиша? на сами вами са дѣлани сѹть, не дамь бѣсомь сна своего. И ти шедше повѣдаша людемь, и вьземьше орѹжие, и придоша на нь, и рашь: даи сна твоего на трабца бомь. Онь же реч: аще сѹть бзи, то да придеть еднь ѿ нихь, да поиметь и снь мо(и); а вы чемѹ нѹдите ма. И кликнѹша Кыане. и подьсакоша с нимь сани; тоу сачена быста исповѣдаащеса крьстьꙗна, приаста вѣчнѹю жизнь, за стѹю вѣроу моучена.

Изъ особенностей правописанія этого житія, которое по своему изложенію сходно съ помѣщеннымъ въ такъ называемой Несторовой лѣтописи (Полн. Собр. Русск. Лѣт. т. I, стр. 35), замѣчу слѣдующія:

— Употребленіе для изображенія носовыхъ звуковъ одного и того же знака а, который ставится и за ѫ (оражие); впрочемъ иногда мѣсто носовой гласной ѫ заступаетъ чистая ѹ=оу (орѹжие).

— Неотличеніе слоговъ твердыхъ и мягкихъ, и вслѣдствіе того

*) Въ рукописи: трѣбѹбоу.

употребленіе послѣ согласныхъ ь вмѣсто ъ, ѹ вмѣсто ю (лѹди, вьзлѹбиша).

— Употребленіе ь послѣ р (дрьжа, не трьпѣше).

— Употребленіе а вмѣсто ѣ (жраби, впрочемъ въ другомъ мѣстѣ это же слово написано правильно).

— Употребленіе а вмѣсто ѣ (сачена, садяше, всами, сани).

Замѣчу еще: на трабца=на требу; земалю=землю; що=чьто: окончаніе 3-го лица множ. ч. настоящаго времени: ни гадать, ни пиать, ни мльвить.

май, іюнь и августъ 1866 года.

Управленіе Московскаго Публичнаго и Румянцовскаго музеевъ доставило, по просьбѣ Отдѣленія, рукопись, послѣднюю часть которой (Artis rhetoricae praecepta, М. 1733—1734) составляютъ, по мнѣнію прежняго владѣльца ея, академика Погодина, собственноручныя записки Ломоносова. По разсмотрѣніи рукописи, которая большею частію присутствовавшихъ въ засѣданіи, а также и г. Куникомъ, равнымъ образомъ признана за автографъ Ломоносова, положено выразить начальству Музея искреннюю признательность Отдѣленія, съ увѣдомленіемъ, что рукопись вскорѣ будетъ возвращена; содержаніе же ея имѣть въ виду при изслѣдованіяхъ о Ломоносовѣ, какъ матеріалъ для опредѣленія источниковъ его реторики.

Академикъ Срезневскій читалъ: 1) составленную имъ для профессора Шлейхера, по изъявленному послѣднимъ желанію, замѣтку о характеристическихъ чертахъ малорусскаго нарѣчія. Положено напечатать ее въ приложеніяхъ къ протоколамъ; 2) записку о покровѣ съ гробницы князей ярославскихъ, 1501 года, съ замѣчаніями о лицахъ, изображенныхъ на покровѣ, и объ одеждахъ ихъ сравнительно съ нѣкоторыми показаніями другихъ памятниковъ; 3) записку объ источникѣ одного изъ поученій, приписаннаго преподобному Ѳеодосію Печерскому и внесеннаго въ повѣсть временныхъ лѣтъ подъ 6575=1067 г., начинающагося словами: «наводитъ Богъ по гнѣву своему иноплеменникы на землю»; и 4) записку о «Златоструѣ» XII вѣка, въ которой разобрано содержаніе этой рукописи сравнительно съ «Златоструемъ» XV вѣка и указано на от-

личія ихъ въ этомъ отношеніи и на рѣзкія черты русскаго вліянія въ обоихъ изводахъ «Златоструя».

Академикъ Гротъ читалъ извлеченныя имъ изъ протоколовъ Россійской Академіи свѣдѣнія о портретахъ, находящихся нынѣ въ малой конференцъ-залѣ Академіи Наукъ, а также и другія подробности, относящіяся къ исторіи основаннаго Екатериною II учрежденія.

Тотъ же академикъ заявилъ, что имъ получены: 1) отъ М. И. Семевскаго рукописи, содержащія переписку Державина съ графомъ Д. И. Хвостовымъ, и 2) отъ Д. В. Полѣнова ноты къ пѣснѣ Державина «Кружка», которая до сихъ поръ поется на веселыхъ сходкахъ въ Преображенскомъ полку, гдѣ нѣкогда служилъ Державинъ. Ноты эти написаны съ голоса и требуютъ еще повѣрки, для чего предполагается обратиться въ старицкую семинарію, гдѣ, по свидѣтельству профессора В. В. Никольскаго, также поется эта пѣсня. Положено изъявить гг. Семевскому и Полѣнову признательность Отдѣленія за обязательное доставленіе этихъ матеріаловъ для изданія сочиненій Державина.

Вслѣдствіе желанія, изъявленнаго Отдѣленію преподавателемъ 1-й казанской гимназіи, г. Владиміровымъ, занимающимся исторіею этого учебнаго заведенія, академикъ Пекарскій составилъ библіографическое указаніе печатныхъ учебниковъ, которые были въ употребленіи въ гимназіи Академіи Наукъ въ 1726—1765 годахъ. Сверхъ того П. П. Пекарскій сообщилъ въ распоряженіе г. Владимірова слѣдующія свѣдѣнія, которыя, быть можетъ, ему пригодятся при предпринятомъ имъ трудѣ: 1) Отрывокъ изъ мнѣнія академика І. Э. Фишера о необходимости учрежденія гимназіи въ Казани. Въ декабрѣ 1760 г. кураторъ Московскаго университета, И. И. Шуваловъ, просилъ Академію Наукъ доставить отзывъ членовъ ея: гдѣ и какія гимназіи должны быть учреждены въ Россіи? Изъ полученныхъ мнѣній видно, что болѣе чѣмъ за сто лѣтъ до нашего времени, въ Академіи возникъ вопросъ, какія училища полезнѣе для Россіи—гимназіи съ обязательнымъ обученіемъ латинскому языку, или же ремесленныя заведенія? Большинство академиковъ и тогда стояли за гимназіи съ латинскимъ языкомъ. 2) Дополненіе къ біографіи директора казанской гимназіи Данила Васильевича Савича, помѣщенной въ «Біографическомъ словарѣ профессоровъ московскаго университета», т. II, стр. 387—388. 3) Извлеченія изъ писемъ П. И. Рычкова къ академику

Миллеру о казанской гимназіи 1761—63 г. Матеріалы эти отправлены г. Владимірову.

Въ дополненіе къ суммѣ, образовавшейся подпискою на надгробный памятникъ Востокову, присоединилось еще 103 р. 70 к., отчасти доставленные изъ Харькова К. К. Фойхтомъ и изъ Москвы Н. В. Калачовымъ, отчасти собранные въ Петербургѣ А. С. Вороновымъ, такъ что вся имѣющаяся въ настоящее время сумма на этотъ предметъ простирается до 644 руб. 60 коп. Положено доставителямъ и жертвователямъ выразить живѣйшую благодарность Отдѣленія.

По поводу имѣющаго совершиться, 1-го будущаго декабря, столѣтія со дня рожденія Карамзина, Отдѣленіе имѣло чрезвычайное засѣданіе, на которомъ, сверхъ членовъ, принимающихъ постоянное участіе въ его занятіяхъ, присутствовали академики: А. С. Норовъ, Н. Г. Устряловъ, А. А. Куникъ и почетный членъ Отдѣленія К. С. Сербиновичъ, при содѣйствіи котораго изданъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, томъ посмертныхъ сочиненій Карамзина. Положено: день столѣтней годовщины рожденія знаменитаго исторіографа отпраздновать торжественнымъ собраніемъ.

Въ 1863 году кандидатъ петербургскаго университета М. В. Праховъ предпринялъ, по вызову Отдѣленія, переводъ Записокъ о Россіи Герберштейна, съ примѣчаніями для критическаго изданія этого источника, и одобренный Отдѣленіемъ образчикъ этого труда былъ вскорѣ послѣ того напечатанъ въ «Запискахъ» Академіи. Нынѣ г. Праховъ, вслѣдствіе выраженнаго ему Отдѣленіемъ желанія, представилъ слѣдующія свѣдѣнія о ходѣ приготовительныхъ работъ своихъ по этому предпріятію:

«1) Давно уже приготовляется у меня сравненіе съ комментаріями русскихъ источниковъ, приводимыхъ авторомъ или in extenso, или сокращенно, или же и такъ, что они составляютъ лишь далекій фонъ текста (въ послѣднее время я занимался по этому отдѣлу «Книгою большаго чертежа», «Памятниками дипломатическихъ сношеній» и друг.).

«2) Я старался дать себѣ хотя нѣкоторый отчетъ объ отношеніи Герберштейна къ предшествующимъ и послѣдующимъ писателямъ *).

«3) На половину перечиталъ около 15-ти книгъ и брошюръ самого Герберштейна или написанныхъ о немъ.

*) Здѣсь, какъ и ниже, опускаются заглавія исчисленныхъ г. Праховымъ сочиненій.

«4) Сличилъ весь текстъ латинскаго изданія 1556 года съ нѣмецкою редакціей самого автора 1557 года. Къ сожалѣнію, прямыхъ, точныхъ свидѣтельствъ объ отношеніи этихъ двухъ единственно-важныхъ редакцій не могъ найти. Переводъ готовъ вчернѣ. Отдѣльныя мѣста комментаріевъ сравнены съ соотвѣтствующими въ погодныхъ запискахъ автора. Результаты:

«a) На девять печатныхъ листовъ текста приходится около двухъ совершенно расходящихся по изложенію (особенно конецъ: Itinera in Moscoviam).

«b) Латинская и нѣмецкая редакціи носятъ весьма различный колоритъ; послѣдняя постоянно представляетъ вставки; латинскій колоритъ не имѣетъ большой цѣны, такъ-что перевода, близко держащагося латинскаго строя, не должно имѣть въ виду. Между тѣмъ, значительная свобода (имѣющая въ виду строгую передачу смысла) русскаго перевода должна быть, разумѣется, не вольничаньемъ, а *законною* свободой, т. е. должна быть оправдана нѣмецкою редакціей. Такъ мнѣ и совѣтовалъ А. А. Куникъ—приложить и нѣмецкую редакцію. Я представлю еще объ этомъ свои соображенія.

«5) Естественно, что въ «Запискахъ» Герберштейна далеко не все имѣетъ для насъ значеніе и цѣну прямаго историческаго матеріала; многое, на первый взглядъ, для читателя можетъ показаться балластомъ: обстоятельное оправданіе его, опредѣленіе значенія у него косвенныхъ фактовъ и указаній, словомъ, его *историческая* оцѣнка, которая подъ руками опытнаго мастера могла бы образовать особенное введеніе подъ названіеммъ, положимъ, «Герберштейнъ и его время», эта часть работы занимала и мои слабыя силы не менѣе, чѣмъ вся матеріальная часть».

Академикъ Срезневскій довелъ до свѣдѣнія Отдѣленія, что членъ-корреспондентъ Академіи Наукъ А. Ѳ. Гильфердингъ сообщилъ ему, что въ библіотекѣ г. Роб. Корзона (Rob. Curzon) въ Паргамѣ (Parham), въ графствѣ Суссексъ, есть нѣсколько славянскихъ рукописей болгарскаго и сербскаго письма, заслуживающихъ особеннаго вниманія, какъ видно изъ данныхъ, сообщенныхъ объ этихъ рукописяхъ въ изданномъ каталогѣ этой библіотеки (Catalogue of Materials of writing and Manuscript Books in the library of the hon. Rob. Curzon at Parham in the county of Sussex. 1849).

Тотъ же академикъ представилъ вниманію Отдѣленія снимки съ рисованныхъ буквъ Ватиканскаго Евангелія, сдѣланные и доставленные ему княжною Н. Д. Шаховскою. Съ признательностью

заявляя объ этомъ, И. И. Срезневскій полагаетъ воспользоваться снимками въ изслѣдованіяхъ своихъ о древнихъ памятникахъ.

Въ 1863 году, по опредѣленію Отдѣленія, И. И. Срезневскимъ былъ отпечатанъ трудъ его подъ заглавіемъ: «Древніе памятники русскаго письма и языка» (X—XIV вѣковъ). Трудъ этотъ заключаетъ въ себѣ обозрѣніе древнихъ русскихъ памятниковъ, какъ дошедшихъ въ современныхъ подлинникахъ, такъ и тѣхъ, кои извѣстны только въ спискахъ болѣе поздняго времени; онъ оставался впродолженіе двухъ лѣтъ съ половиною невыпущеннымъ въ свѣтъ, потому что не были готовы снимки. Нынѣ г. Срезневскій представилъ приложеніе, состоящее изъ пятидесяти таковыхъ снимковъ. «Въ числѣ ихъ, говоритъ академикъ Срезневскій въ предисловіи, помѣщены нѣкоторые съ такихъ памятниковъ, которые по снимкамъ и прежде уже были извѣстны: это сдѣлано мною отчасти потому, что изданные доселѣ снимки не вполнѣ вѣрны; отчасти же съ цѣлью сдѣлать болѣе извѣстными памятники, заслуживающіе особеннаго вниманія: таковы особенно памятники XI вѣка. Снимки эти, какъ и почти всѣ остальные, сдѣланы, впрочемъ, съ подлинниковъ. Нѣкоторые изъ снимковъ, здѣсь помѣщаемыхъ, были уже изданы самимъ мною при отдѣльныхъ моихъ статьяхъ о памятникахъ, и тогда же отпечатаны для этого изданія. На нѣкоторыхъ изъ снимковъ представляется подлинникъ въ уменьшенномъ видѣ: изъ нихъ одни уменьшены мною посредствомъ пантографа, другіе помощію фотографіи». Въ изданномъ нынѣ приложеніи 13 снимковъ принадлежатъ къ XI вѣку; 10—къ XII; 12—къ XIII; 15—къ XIV. По рѣдкости памятниковъ, съ которыхъ сдѣланы эти снимки, по точности и отчетливости ихъ исполненія и, наконецъ, по воспроизведенію въ изображеніяхъ не только древняго письма, но и лицъ и разныхъ предметовъ, что̀ можетъ служить важнымъ пособіемъ для археологіи, Отдѣленіе надѣется, что описанное здѣсь изданіе заслужитъ одобреніе и признательность всѣхъ занимающихся русскими древностями.

Академикъ Гротъ доставилъ изъ Москвы, полученныя имъ отъ М. А. Дмитріева (нынѣ умершаго), подлинныя письма Карамзина къ И. И. Дмитріеву, которыя, съ согласія владѣльца ихъ, Отдѣленіе положило напечатать къ наступающей столѣтней годовщинѣ рожденія знаменитаго исторіографа. Опредѣлено приступить немедленно къ печатанію этихъ писемъ, причемъ надзоръ за изданіемъ и редакція примѣчаній поручены: по первому отдѣлу писемъ П. И. Пекарскому, а по второму—Я. К. Гроту.

Академикъ Пекарскій прочелъ: 1) нѣкоторые матеріалы касательно печатанія въ 1759 г. въ академической типографіи журнала «Трудолюбивая Пчела» и жалобы Сумарокова на цензора его, академика Попова; 2) библіографическую замѣтку объ «Адресъ-Календарѣ 1765 г.». Справочная книга эта начала издаваться по мысли Екатерины II. Составленіе «Адресъ-Календаря» въ первое время было сопряжено съ немалыми затрудненіями, такъ что онъ могъ быть напечатанъ не прежде, какъ черезъ два года слишкомъ послѣ объявленія о немъ повелѣнія императрицы. Первый «Адресъ-Календарь» состоялъ изъ 12-ти печатныхъ листовъ, въ числѣ 1,200 экземпляровъ, которыхъ печатаніе стоило 105 р. 30 коп. Продавались они по 30 коп. каждый, и изъ нихъ въ 1766 г. разошлось 882 экземпляра. Въ 1863—1865 годахъ «Адресъ-Календаря» печаталось 800 экземпляровъ, каждый экземпляръ заключаетъ въ себѣ около 49 листовъ. Издержки на нихъ среднимъ числомъ за послѣдніе три года простирались въ каждый годъ до 2,764 р. 10 к. Расходилось ихъ въ тѣ годы до 760 экземпляровъ, по 5 р. за каждый. Средній доходъ отъ нихъ за послѣдніе три года 2,697 р. 57 к.

Замѣтку г. Пекарскаго опредѣлено напечатать въ приложеніяхъ къ протоколамъ Отдѣленія.

Тотъ же академикъ представилъ написанную имъ статью «О жизни и трудахъ академика Арсеньева», вмѣстѣ съ реестромъ историческихъ матеріаловъ, которые можно было бы издать въ свѣтъ изъ оставшагося послѣ покойнаго академика собранія бумагъ. Статья П. П. Пекарскаго составлена отчасти на основаніи рукописныхъ записокъ К. И. Арсеньева, принадлежащихъ нынѣ старшему сыну его, Юлію Константиновичу, и прерывающихся на 1828 годѣ. Изъ этихъ записокъ извлечены г. Пекарскимъ всѣ извѣстія, имѣющія историко-литературный интересъ, съ опущеніемъ только такихъ разсказовъ, которые имѣютъ значеніе семейныхъ воспоминаній, или касаются подробностей прохожденія Арсеньевымъ службы. Сверхъ того, въ помянутую статью вошли почерпнутыя изъ разныхъ бумагъ извѣстія объ отношеніяхъ Арсеньева къ В. А. Жуковскому, А. И. Тургеневу, графу Д. Н Блудову и нѣкоторымъ другимъ. Отдѣленіе одобрило статью и мысль г. Пекарскаго объ изданіи историческихъ матеріаловъ покойнаго Арсеньева.

Въ Запискахъ Академіи Наукъ (т. V, кн. I) были вкратцѣ описаны А. А. Куникомъ нѣкоторыя неизвѣстныя сочиненія Посошкова. Нынѣ академикъ Бычковъ сообщилъ свѣдѣнія о новомъ

спискѣ этихъ неизданныхъ, весьма любопытныхъ сочиненія и письма Посошкова, спискѣ, который въ редакціи представляетъ незначительныя отмѣны противъ хранящагося въ библіотекѣ Академіи Наукъ. Въ сочиненіи своемъ Посошковъ предлагаетъ мѣры къ уменьшенію числа раскольниковъ, которые «живутъ яко на Москвѣ такъ и во градѣхъ между правовѣрными христіаны невозбранно и непрестанно уловляютъ всякими образы изъ православія въ свое зловѣріе». Существенно полезною мѣрою въ этомъ отношеніи онъ полагаетъ веденіе во всѣхъ приходскихъ и неприходскихъ церквахъ книгъ: а) родильныхъ; б) крестильныхъ; в) покаяльныхъ; г) причащальныхъ; д) вѣнчальныхъ; е) погребальныхъ и ж) описныхъ. Точное веденіе этихъ книгъ, по мнѣнію Посошкова, непремѣнно должно послужить къ обнаруженію раскольниковъ, потому что, при помощи такихъ книгъ, можно будетъ тотчасъ узнать принадлежность младенца къ семейству, уклонившемуся отъ православія, такъ какъ раскольники своихъ дѣтей «ко причастію отнюдь не приносятъ, паче крещенія отъ святаго причастія бѣгаютъ» и т. п.

Письмо, писанное, по всему вѣроятію, къ митрополиту Стефану Яворскому, слѣдуетъ разсматривать какъ продолженіе предъидущаго сочиненія. Здѣсь Посошковъ, приписывая размноженіе раскола невѣжеству народа вообще, наиболѣе же малому просвѣщенію въ духовенствѣ, предлагаетъ заняться образованіемъ народа и священно-служителей, издать для этой цѣли разныя книги; «состроить академію великую, всѣхъ наукъ исполненную»; учредить въ городахъ во всѣхъ епархіяхъ училища, а также при большихъ обителяхъ, у Троицко-Сергіевскаго же монастыря—цѣлую академію, и отнюдь не посвящать никого, безъ училищнаго свидѣтельства, въ священники и діаконы.

Въ концѣ письма говорится о новой, появившейся въ Россіи, ереси, которой послѣдователи, «кромѣ дѣлъ, хотятъ единою вѣрою спастися», и противъ которой слѣдуетъ дѣйствовать словомъ и дѣломъ. Подъ письмомъ Посошковъ подписался слѣдующимъ образомъ: «Убогій земледѣлецъ, московскій уроженецъ Иванъ Посошковъ». Сочиненіе и письмо будутъ напечатаны въ «Запискахъ», съ приведеніемъ варіантовъ по спискамъ Академіи Наукъ.

По поводу рукописнаго перевода одной главы изъ «Cosmographia» Раува, подъ заглавіемъ: «Московія при Иванѣ Грозномъ», А. А. Бычковъ, которому поручено было разсмотрѣніе этого перевода, написалъ и прочелъ статью о всей космографіи Раува и источникахъ, служившихъ ему пособіемъ для этого сочиненія, сдѣ-

лавшагося нынѣ библіографическою рѣдкостью. Статья г. Бычкова будетъ напечатана въ «Запискахъ» Академіи.

Тотъ же академикъ, взявшій на себя, по случаю отъѣзда И. И. Срезневскаго, редакцію издаваемаго на счетъ Отдѣленія «Словаря бѣлорусскаго нарѣчія». г. Носовича, сообщилъ корректурные листы этого труда, для ознакомленія съ пріемами, а также поправками и дополненіями, которыя онъ призналъ необходимымъ дѣлать при печатаніи рукописи г. Носовича. Принято съ одобреніемъ.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКАЯ ЗАМѢТКА ОБЪ АДРЕСЪ-КАЛЕНДАРѢ 1765 ГОДА.

Академика П. Пекарскаго.

Въ настоящемъ 1866 году исполнилось сто лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ явился первый Адресъ-Календарь: хотя на оберткѣ его и обозначенъ 1765 г., однако изъ типографіи онъ вышелъ только въ началѣ слѣдующаго, т. е. 1766 года.

Мысль объ изданіи этой справочной книги принадлежитъ императрицѣ Екатеринѣ II. По изустному повелѣнію ея, объявленному канцеляріи Академіи Наукъ Григ. Ник. Тепловымъ, въ октябрѣ 1763 г. послѣдняя отнеслась съ требованіемъ въ присутственныя мѣста о доставленіи свѣдѣній о всѣхъ чинахъ до секретаря включительно *). Въ ноябрѣ 1763 г. императрица, опять чрезъ Теплова, приказала академической канцеляріи «календаря россійскаго съ штатами всего государства не печатать до указу; а прежде рукописный, когда весь оконченъ будетъ, принести на высочайшую ея императорскаго величества аппробацію **)».

Въ журналѣ академической канцеляріи, 11 октября 1764 г., записано было, что требованныя отъ присутственныхъ мѣстъ свѣдѣнія были тогда уже доставлены, приведены въ порядокъ и представлены императрицѣ: «но какъ ея величество за неконфирмованіемъ еще тогда новыхъ гражданскихъ штатовъ, печатаніе того Адресъ-Календаря соизволила указать оставить до нынѣшняго года ***)», то поэтому вновь потребованы списки изъ разныхъ

*) Архивъ академической канцеляріи, книга подъ № 278.
**) Ibid., книга подъ № 275.
***) Ibid., книга подъ № 285.

вѣдомствъ. Хотя при томъ предполагалось напечатать Адресъ-Календарь къ наступающему 1765 году, однако, какъ сказано выше, его успѣли выпустить въ свѣтъ только въ 1766 году. 28 февраля 1766 г. факторъ академической типографіи, Артемій Лыковъ, доносилъ академической канцеляріи:

«Въ концѣ прошлаго 1765 года изъ канцеляріи Академіи Наукъ посланъ въ типографію оригиналъ Адресъ-Календаря съ тѣмъ приказаніемъ, дабы не препятствуя прочимъ ординарнымъ текущимъ дѣламъ, а паче чрезвычайнымъ, оный Календарь наборомъ и печатаніемъ производить въ свободное время отъ прочихъ казенныхъ работъ, т. е. въ воскресные и праздничные дни, также и въ ночное время, за что трудящимся при наборѣ и печатаніи обѣщано, сверхъ получаемаго ими окладнаго жалованья, особливое денежное награжденіе. И такъ помянутый Адресъ-Календарь, въ силу того приказанія, наборомъ и печатаніемъ окончанъ въ двадцать два дня и обстоитъ изъ 12 листовъ. Заводъ того календаря печатанъ на любской бумагѣ 200, на россійской комментарной 1000... которые по типографіи обошлись, считая за наборъ, печатаніе, матеріалы и бумагу во 105 руб. 30 коп.»

28 марта 1766 г. академическая канцелярія распорядилась изъ 1200 экземпляровъ Адресъ-Календаря 50 отдать въ переплетъ «для подноса ко Двору и раздачи знатнымъ персонамъ», а остальные продавать по 30 копѣекъ. Тогда, какъ видно изъ канцелярскаго постановленія, этой книги разошлось уже 882 экземпляра. Изъ вырученныхъ отъ продажи ихъ денегъ велѣно раздать, за труды наборщикамъ и печатникамъ, 60 рублей *).

Первый Адресъ-Календарь носитъ такое заглавіе: «Адресъ-Календарь россійскій на лѣто отъ Рождества Христова 1765, показующій о всѣхъ чинахъ и присудственныхъ (sic) мѣстахъ въ Государствѣ, кто при началѣ сего года въ какомъ званіи или въ какой должности состоитъ. Въ Санкпетербургѣ при Императорской Академіи Наукъ». Книга въ 8°; на 12 ненумерованныхъ страницахъ—мѣсяцословъ; на 4 нен. стр.: «Роспись господскимъ праздникамъ и статскимъ торжественнымъ днямъ, въ которые какъ при Дворѣ ея императорскаго величества бываетъ торжество, такъ и отъ публичныхъ работъ дается свобода»; на 2 нен стр.: «Извѣстіе о почтахъ.» Наконецъ на 131 страницѣ: «Показаніе знатнѣйшихъ въ государствѣ чиновъ и присудственныхъ мѣстъ, и кто при на-

*) Архивъ академической канцеляріи, книга подъ № 296.

чалѣ сего 1765 года въ какомъ званіи или у какой должности состоитъ». На стран. 130—131 есть послѣсловіе «для извѣстія»:

«Въ семъ первомъ опытѣ Адресъ-Календаря, можетъ быть, найдутся еще нѣкоторыя неисправности какъ въ именахъ о титулахъ, такъ и въ подробномъ показаніи присутственныхъ мѣстъ и состоящихъ при разныхъ должностяхъ персонъ. Но какъ краткость времени не дозволила отвсюды собрать вѣрныя справки; къ томужъ и первое установленіе сего Календаря соединено было съ великими трудностями, то уповать должно, что благосклонный читатель доволенъ будетъ и симъ къ пользѣ общества предпріятымъ трудомъ, который изъ году въ годъ исправнѣе и совершеннѣе выходить имѣетъ»...

И такъ первый Адресъ-Календарь за сто лѣтъ передъ симъ со всѣми посторонними приложеніями, которыхъ уже давно не печатается въ нынѣшнихъ его изданіяхъ, состоялъ изъ 12 печатныхъ листовъ; издержки по печатанію его въ 1200 экз. обошлись въ 1766 г. типографіи 105 р. 30 коп., а продавался онъ по 30 коп. экземпляръ. Теперь сравнимъ эти цифры съ слѣдующими, извлеченными изъ дѣлъ Комитета Правленія Академіи Наукъ объ Адресъ-Календаряхъ за послѣдніе три года. Въ 1863 г. онъ состоялъ изъ $48^1/_2$ печатныхъ листовъ; въ 1864 г.—тоже; въ 1865 г. изъ $49^1/_2$ лист. Расходы по изданію, какъ то: бумага, наборъ, печатаніе, редакція, корректуры и разныя мелкія издержки, среднимъ числомъ, простирались въ эти три года до 2,764 р. 10 к. въ каждый. Въ 1863 и 1865 годахъ печаталось Адресъ-Календаря по 800 экз., а въ 1864 г. — 750 экз. Расходилось ихъ, среднимъ числомъ, въ тѣ же годы до 761 экз.; изъ нихъ раскупались на деньги до 594 экз., а остальные разсылались безденежно. Цѣна каждаго экземпляра Адресъ-Календаря 5 рублей, и отъ продажи этой книги выручено, среднимъ числомъ, 2,697 р. 57 копѣекъ въ каждой изъ означенныхъ трехъ годовъ.

О КОСМОГРАФІИ РАУВА И О ПЕРЕВОДѢ ИЗЪ НЕЯ ИЗВѢСТІЙ О МОСКОВІИ Г. В.

Академика А. О. Бычкова.

Къ числу очень рѣдкихъ печатныхъ сочиненій, явившихся въ XVI ст., принадлежитъ составленная Іоганномъ Раувомъ, въ вопросахъ и отвѣтахъ, на нѣмецкомъ языкѣ, Космографія, имѣющая

слѣдующее заглавіе: Cosmographia das ist eine schöne richtige und vollkomliche Beschreibung dess Göttlichen Geschöpffs, Himmels und der Erden, beydes der Himmlischen und Irrdischen Kugel, wie die Himmlische in jre Circulos u. Sphaeras und die Irrdische in jhre Theil, Europam, Asiam, und Aphricam beneben Americam, und ein jedes Theil widerum in seine vornemliche Königreiche und Landschafften dispescieret und getheilet wirdt. Item war für vorneme Berge, Wasser, Stätte und dergleichen, in jedte Landschafften befunden: was von Anfang für Völker dieselben bewohnet. Auch was für Sitten, Gebräuche und Religion sie gehabt: Dessgleichen was für Regenten von Anfang biss auff diese gegenwärtige Zeit, über solche Länder regieret haben. Sampt ingesprengten schönen, herrlichen, und nützlichen Historien, an welchem Orth, und zu welcher Zeit dieselbigen geschehen seynd, auch mit sehr schönen Figuren Kupferstücken und Landtaffeln gezieret und geschmücket. Alles... in richtige Fragen und Antwort gestellet... und in Truck gegeben, durch den Ehrwirdigen und Wohlgelährten Herrn Johann Rauwen Meimbressensem, Pfarrherrn zu Wetter in Hessen... Gedruckt zu Franckfort am Mayn 1597.

Раувъ, родомъ изъ Меймбрессена, недалеко отъ Касселя, былъ первоначально пасторомъ въ Кирхлотхеймѣ въ графствѣ Иттеръ, потомъ при госпитальной церкви въ Хайнѣ и наконецъ—въ Веттерѣ, гдѣ онъ окончилъ Космографію и умеръ въ 1600 году. Раувъ въ своемъ трудѣ сообщаетъ болѣе или менѣе точныя и подробныя географическія, этнографическія и историческія свѣдѣнія о всѣхъ государствахъ и странахъ, бывшихъ извѣстными въ XVI ст., и въ этомъ отношеніи онъ для своего времени былъ явленіемъ весьма важнымъ. Книга Раува читалась въ Германіи всѣми грамотными, точно также какъ у насъ въ XVIII ст. Всемірный Путешественникъ, и здѣсь должно искать причины почему первое ея изданіе сдѣлалось въ настоящее время библіографическою рѣдкостью. (Второе изданіе вышло въ 1612 году).

Раувъ пользовался при составленіи Космографіи, огромнаго фоліанта, обнимающаго 1031 страницу, 181 сочиненіемъ, которыя у него перечислены въ особомъ спискѣ. Она дѣлится на четыре части. Первая содержитъ въ себѣ свѣдѣнія изъ математической и физической географіи, изъ которыхъ видно, что составитель былъ не чуждъ многихъ предразсудковъ своего времени, неизбѣжныхъ съ вѣрою въ астрологію. Во второй части описываются Европейскія государства, и между ними въ отдѣльной 33-й главѣ, на стр. 793—820, великое княжество Московское. Третья часть посвящена Азіи, а четвертая—

Африкѣ и Америкѣ. Описаніе Россіи составлено по сочиненіямъ Герберштейна, Іоанна Боттера, Павла Іовія, Альберта Кранца и Гваньини, преимущественно же по сочиненію послѣдняго, и имѣетъ интересъ лишь въ томъ отношеніи, что представляетъ, такъ сказать, сводъ всѣхъ обнародованныхъ до XVII вѣка въ печати свѣдѣній о нашемъ отечествѣ, сводъ, которымъ долгое время пользовались Нѣмцы. Жестокости царя Іоанна IV Васильевича Грознаго, молва о которыхъ наполняла въ то время Европу, обратили на себя особенное вниманіе Раува, и онъ выписалъ изъ Гваньини все, относящееся къ этому предмету. Тѣмъ же источникомъ, иногда сокращая его опущеніемъ подробностей, пользовался при описаніи второй половины царствованія Іоанна и Карамзинъ. Въ примѣръ разности изложенія одного и того же событія приведу разсказъ о казни жены Мясоѣда Вислаго. Карамзинъ говоритъ (IX, 164): «чинов никъ Мясоѣдъ Вислой имѣлъ прелестную жену; ее взяли, обезчестили, повѣсили передъ глазами мужа, а ему отрубили голову». Въ примѣчаніи къ этому мѣсту мы находимъ ссылку на Гваньини и слѣдующія слова: «Жену Мясоѣдова обезчестили за годъ до смерти мужа и повѣсили ее вмѣстѣ съ служанкою, на крыльцѣ дому ея».

Раувъ разсказываетъ объ этомъ слѣдующимъ образомъ: «У великаго князя былъ главный секретарь (думный дьякъ), по прозванію Вислый, который имѣлъ очень хорошенькую жену. Великій князь приказалъ своимъ драбантамъ (опричникамъ) привести ее вмѣстѣ съ служанкою во дворецъ, держалъ ихъ у себя нѣсколько недѣль и потомъ велѣлъ обѣихъ повѣсить въ воротахъ дома, въ которомъ жилъ секретарь. Сего послѣдняго великій князь, сверхъ сего заставилъ какъ выходить изъ дома, такъ и возвращаться домой непремѣнно въ эти ворота; такимъ образомъ онъ цѣлыя двѣ недѣля долженъ былъ видѣть висящими свою жену и ея служанку».

Сличивъ внимательно съ подлинникомъ Космографіи переводъ изъ нея Н. В—а, я нашелъ, что онъ исполненъ не слишкомъ отчетливо и что въ немъ пропущено многое, не лишенное интереса, поэтому печатать переводъ въ настоящемъ его видѣ я полагаю едва ли удобнымъ. Впрочемъ если бы Отдѣленіе признало полезнымъ напечатать изъ Космографіи Раува переводъ описанія великаго княжества Московскаго, не смотря на его компилятивный характеръ, то я считалъ бы не безполезнымъ присоединить къ нему еще и переводъ описанія Ливоніи, Литвы и Самогитіи, составляющаго 32-ю главу 2-й части Космографіи.

Извлеченіе изъ протоколовъ засѣданій за сентябрь, октябрь, ноябрь и декабрь 1866 года.

Въ теченіе осеннихъ мѣсяцевъ занятія Отдѣленія, согласно съ постановленнымъ имъ въ маѣ сего года заключеніемъ, были главнымъ образомъ посвящены приготовленіямъ къ празднованію столѣтней годовщины рожденія Карамзина.

Въ первомъ же сентябрскомъ засѣданіи общаго собранія Академіи, Отдѣленіе предложило отпраздновать отъ имени всей Академіи память писателя, пріобрѣтшаго столь великое значеніе въ области науки и литературы.

Назначенная вслѣдствіе того коммиссія изъ непремѣннаго секретаря и академиковъ: Устрялова, Грота, Куника, Пекарскаго и Бычкова полагала: день рожденія заслуженнаго историіографа ознаменовать торжественнымъ собраніемъ, къ которому будутъ приготовлены рѣчи Н. Г. Устряловымъ и Я. К. Гротомъ; при чемъ членами Отдѣленія русскаго языка и словесности заявлено, что, по приглашенію его, въ чтеніяхъ обѣщали принять участіе также академики князь П. А. Вяземскій и М. П. Погодинъ. Опредѣленіе это было одобрено общимъ собраніемъ, и, по представленію г. министра народнаго просвѣщенія, на празднованіе 1-го декабря сего года торжественнымъ актомъ въ Академіи послѣдовало Высочайшее соизволеніе.

Независимо отъ того, по порученію Отдѣленія, два члена его, Гротъ и Пекарскій, завѣдывали печатаніемъ неизданныхъ писемъ Карамзина къ Дмитріеву и составляли къ нимъ подробныя историко-литературныя и библіографическія примѣчанія. Подлинныя письма принадлежали М. А. Дмитріеву (умершему въ прошломъ сентябрѣ), который, давно намѣреваясь издать ихъ, охотно принялъ предложеніе Отдѣленія предоставить это дѣло Академіи, и въ началѣ минувшаго іюня лично передалъ ихъ, въ Москвѣ, г. Гроту вмѣстѣ съ приготовленными къ нимъ краткими примѣчаніями извѣстнаго библіографа нашего М. Н. Лонгинова.

Означенные два академика раздѣлили между собою возложенный на нихъ трудъ такимъ образомъ, что П. П. Пекарскій принялъ на себя изданіе перваго отдѣла писемъ (1787—1817 г.), а Я. К. Гротъ — втораго (1818—1826 г.). Г. Пекарскій, занимаясь объясненіемъ печатаемыхъ имъ писемъ, обратилъ особенное вниманіе на вопросы о времени и мѣстѣ рожденія историіографа, а так-

же и на пополненіе свѣдѣній о его службѣ въ гвардіи, важное для повѣрки всей первой половины его біографіи. Для разъясненія первыхъ двухъ вопросовъ онъ пользовался, между прочимъ, бумагами Государственнаго Архива и обращался въ Герольдію правительствующаго сената, а также къ управляющему московскимъ архивомъ министерства юстиціи, Н. В. Калачову, за справками о родѣ Карамзиныхъ. По послѣднему предмету г. симбирскій предводитель дворянства А. И. Ермоловъ, по просьбѣ Отдѣленія, доставилъ также двѣ еще сохранившіяся бумаги. Относительно службы Карамзина въ Преображенскомъ полку, г. Пекарскій, съ позволенія командира этого полка, князя А. И. Барятинскаго, дѣлалъ розысканія въ полковомъ архивѣ; для пополненія же найденныхъ тамъ свѣдѣній обращался къ г. военному министру Д. А. Милютину, по приказанію котораго и получилъ справку изъ архива главнаго штаба. Сверхъ того П. П. Пекарскій, съ разрѣшенія управляющаго Государственнымъ Архивомъ, К. К. Злобина, пользовался отысканными тамъ новыми матеріалами для опредѣленія участія Карамзина въ издательской дѣятельности Новикова. Изслѣдованія г. Пекарскаго по всѣмъ этимъ предметамъ напечатаны въ приложеніяхъ къ изданнымъ нынѣ письмамъ. Тамъ же помѣщена отысканная его стараніями статья Карамзина, на французскомъ языкѣ, о русской литературѣ, напечатанная первоначально въ октябрской книжкѣ, за 1797 г., гамбургскаго журнала «Spectateur du Nord». Такъ-какъ названнаго журнала за этотъ годъ нѣтъ ни въ одной изъ извѣстныхъ петербургскихъ библіотекъ, то П. П. Пекарскій просилъ живущаго въ Парижѣ, уважаемаго ученаго нашего, В. С. Порошина, доставить копію означенной статьи изъ экземпляра «Spectateur du Nord», принадлежащаго тамошней публичной библіотекѣ; просьба эта была въ скоромъ времени исполнена съ радушною готовностью. Въ неизвѣстной доселѣ статьѣ Карамзина есть свѣдѣніе о только-что открытомъ тогда «Словѣ о полку Игоревѣ», сужденіе о русскихъ народныхъ пѣсняхъ и, наконецъ, подробное обозрѣніе «Писемъ русскаго путешественника».

Желая и съ своей стороны способствовать окончательному разъясненію вопроса о годѣ и мѣстѣ рожденія Карамзина, академикъ Гротъ просилъ содѣйствія въ томъ г. товарища оберъ-прокурора св. синода Ю. В. Толстаго и г. самарскаго губернатора Б. П. Обухова, которые съ просвѣщенною благосклонностію приняли къ тому мѣры; изъ собранныхъ по ихъ распоряженію справокъ оказалось однакожъ, что извѣстій, прямо относящихся къ предмету, не сохранилось.

Такъ-какъ въ перепискѣ Карамзина за послѣдніе годы его жизни встрѣчается много такихъ именъ и обстоятельствъ, о которыхъ свѣдѣнія могутъ быть почерпнуты только изъ живыхъ воспоминаній, то Я. К. Гротъ, для пополненія составляемаго къ письмамъ комментарія, долженъ былъ прибѣгнуть, между прочимъ, къ лицамъ, стоявшимъ болѣе или менѣе близко къ Карамзину, и пользовался въ этомъ отношеніи помощью князя П. А. Вяземскаго и К. С. Сербиновича. Князь Вяземскій прочитывалъ въ корректурныхъ листахъ всѣ письма послѣдней эпохи и обязательно сообщалъ сохранившіяся въ его памяти подробности; а г. Сербиновичъ радушно передалъ редактору этой части изданія цѣлую рукописную тетрадь любопытныхъ воспоминаній своихъ о Карамзинѣ, съ которымъ онъ былъ лично знакомъ и часто видѣлся въ послѣднія семь лѣтъ его жизни. Кромѣ того, г. Гротъ получилъ отъ ближайшихъ родственниковъ исторіографа нѣсколько драгоцѣнныхъ свѣдѣній, за которыми къ нимъ обращался.

Для изданія при письмахъ Карамзина къ Дмитріеву, въ видѣ особыхъ приложеній, доставлены: 1) академикомъ Никитенко, принадлежащее ему подлинное письмо исторіографа къ С. Н. Глинкѣ, и 2) академикомъ Бычковымъ, снятыя имъ во всей точности копіи съ двухъ писемъ Карамзина къ императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ и съ подлинныхъ писемъ его къ К. Ѳ. Калайдовичу, хранящихся въ Императорской Публичной Библіотекѣ. Такъ-какъ эти послѣднія были напечатаны въ «Чтеніяхъ Общества Исторіи и Древностей» не совсѣмъ исправно, притомъ же А. Ѳ. Бычковъ снабдилъ ихъ подробными примѣчаніями, то Отдѣленіе опредѣлило дать имъ также мѣсто въ приготовляемомъ къ юбилею Карамзина изданіи.

Академикъ Погодинъ сообщилъ Отдѣленію, что онъ готовъ передать въ его распоряженіе подлинныя письма Карамзина къ А. И. Тургеневу, если оно намѣрено издать ихъ въ свѣтъ. Отдѣленіе, принявъ съ признательностію это предложеніе, не успѣло однакоже (по краткости остававшагося до 1-го декабря времени) теперь же воспользоваться имъ и опредѣлило, при первой возможности, издать и переписку Карамзина съ Тургеневымъ, которая, хотя и была уже напечатана въ «Москвитянинѣ», однако можетъ быть пополнена какъ въ текстѣ, такъ и въ примѣчаніяхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ М. П. Погодинъ доставилъ для академика Устрялова копіи съ нѣсколькихъ документовъ изъ собранія бумагъ Голикова.

Отысканіе бюста Карамзина къ юбилею было сопряжено съ

нѣкоторыми затрудненіями. Въ Петербургѣ оказалось только одно небольшое изваяніе его, сдѣланное уже послѣ его смерти и далеко неудовлетворительное; но въ Москвѣ нашелся у М. П. Погодина другой бюстъ нашего знаменитаго писателя, болѣе сходный и имѣющій бо́льшіе размѣры. Съ этого-то бюста, приписываемаго художнику Кампіони и относящагося, вѣроятно, къ началу нынѣшняго столѣтія, сдѣланъ былъ, по заказу Отдѣленія, при обязательномъ посредствѣ К. К. Герца и Н. А. Рамазанова, новый бюстъ, которымъ и украсилась зала публичныхъ собраній Академіи.

Независимо отъ приготовительныхъ распоряженій и трудовъ, предпринятыхъ по поводу предстоявшаго юбилея, Отдѣленіе русскаго языка и словесности продолжало свои обычныя занятія.

Чтенія академика Срезневскаго были слѣдующія:

I. Двѣ записки о памятникахъ малоизвѣстныхъ: 1) о гадальныхъ припискахъ къ пророческимъ книгамъ св. писанія, и 2) о древнемъ житіи Алексія человѣка Божія. Въ первой, по указаніи на свидѣтельства о гаданіяхъ по пророческимъ книгамъ въ XII—XIII вѣкахъ, какъ о гаданіяхъ по жребію, представлены приписки къ псалтырю XIV вѣка, заключающія въ себѣ объясненія смысла мѣстъ, въ которыхъ искали отгадокъ, чему быть или что̀ должно дѣлать. Во второй запискѣ, кромѣ предварительныхъ изъясненій, дано мѣсто чтенію древняго житія Алексія человѣка Божія по древнѣйшимъ спискамъ, разбору его языка и сравненію его съ духовнымъ стихомъ, который нынѣ поется слѣпцами. Это сравненіе показало: 1) что стихъ есть простой пересказъ житія, частію даже дословный, и 2) что въ памяти сказателя стиха было житіе не въ древнемъ его видѣ, а въ томъ видѣ, въ какомъ оно помѣщено въ новой четіей-минеѣ. Это послѣднее обстоятельство наводитъ на мысль, что стихъ сложенъ не въ очень давнее время.

II. Статья о древнихъ сказаніяхъ о святителѣ Николаѣ и ихъ передѣлкахъ сравнительно съ духовными стихами одинаковаго содержанія. Одинъ изъ этихъ духовныхъ стиховъ, объ Агрикѣ и сынѣ его Василіи, извѣстенъ во многихъ спискахъ; другой, о попѣ Христофорѣ, пока только въ одномъ спискѣ. Сличеніе ихъ съ сказаніями приводитъ къ заключенію, что первый стихъ сложенъ не по пересказу сказанія, помѣщенному въ прологѣ, а по самому сказанію, но въ его подновленномъ видѣ, гдѣ нѣкоторыя древнія слова замѣнены болѣе употребительными (напримѣръ, сродникъ

вмѣсто ближика), а второй стихъ сложенъ по сокращенію древняго сказанія. На этомъ второмъ особенно замѣтно вліяніе литературныхъ пріемовъ XVII вѣка.

III. Записка объ отрывкѣ изъ книги евангельскихъ чтеній XI вѣка, найденномъ въ западной Россіи. По палеографическимъ примѣтамъ, книга эта должна быть писана позже Остромирова евангелія, тѣмъ не менѣе ранѣе всѣхъ другихъ, доселѣ найденныхъ русскихъ списковъ евангелія, ранѣе чѣмъ образовалось особенное русское правописаніе, котораго древнѣйшіе образцы представляются въ рукописяхъ конца XI и начала XII вѣка.

IV. Замѣтка подъ названіемъ: «Нѣсколько словъ въ дополненіе къ статьѣ о трудахъ Шлейхера». Въ ней дано мѣсто отмѣткѣ сочиненій Шлейхера, опущенныхъ въ общемъ ихъ перечнѣ, и замѣчаніямъ о древне-нѣмецкомъ словарѣ Шаде, который могъ бы быть, по мнѣнію Шлейхера, взятъ за образецъ для составленія сравнительнаго словара славянскихъ нарѣчій.

V. Записка о похвалѣ Кириллу Философу епископа Климента, съ приложеніемъ подлинника по списку XIV вѣка, съ разночтеніями по другимъ спискамъ.

VI. Записка, заключающая въ себѣ текстъ (по пяти спискамъ) повѣсти о разореніи Рязани Батыемъ и разборъ этого памятника сравнительно съ другими сказаніями о томъ же событіи. При семъ академикомъ А. Ѳ. Бычковымъ сдѣланы замѣчанія на основаніи двухъ другихъ списковъ той же повѣсти.

Кромѣ того, И. И. Срезневскій заявилъ, что къ числу памятниковъ апокрифической литературы, переведенныхъ на славянскій языкъ въ древнее время, надобно отнести и слово о покоѣ Пресвятой Богородицы; оно сохранилось въ спискѣ XII вѣка, хотя, къ сожалѣнію, только въ отрывкѣ. Слича этотъ отрывокъ со списками болѣе поздними, увѣряемся, что нѣкоторые и изъ этихъ списковъ повторили древній изводъ довольно вѣрно. Отъ греческаго подлинника, теперь уже изданнаго Тишендорфомъ, славянскій переводъ отличается очень немногимъ. Записка объ этомъ войдетъ въ число свѣдѣній и замѣтокъ о малоизвѣстныхъ памятникахъ.

Академикъ Никитенко, разсмотрѣвъ переданную изъ Историко-филологическаго Отдѣленія рукопись г. Мевеса: «Литературные гости въ Россіи», доложилъ, что она содержитъ въ себѣ обширныя и подробныя лингвистическія изслѣдованія о собственныхъ именахъ и прозвищахъ, употребляющихся въ русскомъ народѣ, съ изъясненіемъ ихъ происхожденія и измѣненій тѣхъ изъ нихъ, ко-

торыя вошли къ намъ извнѣ; причемъ авторъ ставитъ съ ними въ параллель слова, заимствованныя изъ другихъ языковъ, какъ-то: греческаго, латинскаго, нѣмецкаго и проч. Авторъ, повидимому, обладаетъ свѣдѣніями въ языкахъ; но чтобы произнести о его трудѣ рѣшительное сужденіе, надобно, чтобы онъ былъ разсмотрѣнъ знатоками тѣхъ языковъ, какіе приводитъ авторъ, не исключая и латышскаго. Опредѣлено: рукопись Мевеса, вмѣстѣ съ выпискою мнѣнія о ней г. Никитенко, возвратить въ Историко-филологическое Отдѣленіе.

Академикъ Гротъ, продолжая свои занятія по изданію сочиненій Державина, представилъ вновь отпечатанные въ послѣднее время 27—32 листы IV тома и заявилъ о слѣдующихъ, полученныхъ имъ по этому изданію, сообщеніяхъ:

I. Библіотекарь Императорской Публичной Библіотеки, А. Б. Ивановскій доставилъ довольно значительную по объему рукопись покойнаго Анастасевича (ум. 1845 г.), писанную въ 20-хъ годахъ и содержащую въ себѣ собраніе библіографическихъ и біографическихъ замѣтокъ относительно Державина, какъ-то: свѣдѣнія объ изданіяхъ сочиненій его, изложеніе содержанія и происхожденія его стихотвореній, хронологическіе и алфавитные списки ихъ и т. п.; причемъ Я. К. Гротъ объяснилъ, что хотя въ настоящее время, когда Державинъ уже разработанъ имъ во всей подробности по собственнымъ его рукописямъ и другимъ обильнымъ пособіямъ, замѣтки эти и утратили свое значеніе, однакожъ онѣ могутъ представить еще что-нибудь и новое при ближайшемъ ихъ разсмотрѣніи, которымъ онъ вскорѣ займется. Положено: выразить г. Ивановскому искреннюю признательность Отдѣленія.

II. Г. Балясный доставилъ рукопись оды Державина на переходъ Альпійскихъ горъ, которая въ свое время поднесена была поэтомъ императору Павлу, но потомъ возвращена автору, имъ же подарена извѣстному В. Н. Каразину. Г. Балясный предлагаетъ эту рукопись Отдѣленію, съ тѣмъ, чтобы ему въ обмѣнъ доставленъ былъ экземпляръ изданныхъ до сихъ поръ первыхъ 3-хъ томовъ сочиненій Державина. Отдѣленіе, имѣя въ виду, что этой рукописи придаютъ цѣну: собственноручная подпись Державина, два относящіеся къ одѣ оригинальные рисунка, и наконецъ автографическая замѣтка Каразина, и что академической библіотекѣ доселѣ не принадлежитъ ничего изъ рукописей Державина, опредѣлило: предложеніе г. Баляснаго принять, самую же рукопись передать въ 1-е отдѣленіе библіотеки.

III. Библіотекарь Чертковской библіотеки въ Москвѣ, П. И. Бартеневъ доставилъ въ копіи нѣсколько писемъ Державина къ разнымъ лицамъ, за что̀ и положено выразить г. Бартеневу искреннюю признательность Отдѣленія, такъ какъ этими письмами можно будетъ воспользоваться при изданіи переписки поэта.

Академикъ Пекарскій представилъ: 1) собственноручную объяснительную записку Сумарокова на имя императрицы Екатерины II по поводу написанной имъ оды къ польскому королю и неудовольствія, возбужденнаго находившимся въ ней выраженіемъ *да укрѣпятся въ нихъ союзы;* въ запискѣ Сумароковъ обязывается не давать хода этому стихотворенію; 2) найденную въ бумагахъ Государственнаго Архива рѣчь на французскомъ языкѣ, произнесенную въ Академіи Наукъ, черезъ 11 дней послѣ смерти Ломоносова, почетнымъ членомъ Академіи, докторомъ Клеркомъ (впослѣдствіи Леклеркомъ, авторомъ извѣстной исторіи Россіи) и любопытную по высказанному въ ней сужденію современника о знаменитомъ нашемъ ученомъ. Рѣчь эта въ подлинникѣ и въ переводѣ г. Пекарскаго помѣщается ниже.

Тотъ же академикъ заявилъ, что, занимаясь, по порученію общаго собранія Академіи, просмотромъ «Исторической библіографіи», составленной за 1858 годъ гг. Ламбиными, онъ находитъ, что эта часть труда ихъ обработана съ тою же добросовѣстностью и точностію, какими отличаются предыдущія, и потому полагаетъ весьма полезнымъ и нужнымъ напечатать ее, съ незначительными только измѣненіями.

Изъ трудовъ постороннихъ ученыхъ, бывшихъ въ сношеніяхъ съ Отдѣленіемъ, должны быть упомянуты слѣдующіе:

I. Г. Макушевъ, извѣстный уже своими учеными трудами по исторіи Славянъ, представилъ въ рукописи свои «Изслѣдованія о памятникахъ и бытописаніяхъ Дубровника». Находя эти изслѣдованія заслуживающими полнаго одобренія, по новости большей части данныхъ, до сихъ поръ не бывшихъ въ печати, И. И. Срезневскій полагалъ справедливымъ дать труду г. Макушева, или по-крайней-мѣрѣ тѣмъ частямъ его, которыя найдутся особенно заслуживающими того, мѣсто въ приложеніяхъ къ «Запискамъ» Академіи. Одобрено Отдѣленіемъ.

II. Г. Пономаревъ, преподаватель Петровскаго кадетскаго корпуса въ Полтавѣ, доставилъ въ Отдѣленіе, при письмѣ къ Я. К. Гроту, брошюру свою: «Преосвященный Филаретъ, архіепископъ черниговскій и нѣжинскій». Положено благодарить г. Пономарева.

III. Печатаніе «Бѣлорусскаго Словаря» г. Носовича продолжалось подъ надзоромъ академика Бычкова, который и представилъ отпечатанные при его участіи 6—15 листы этого труда.

Академикъ Срезневскій представилъ вниманію сочленовъ:

1) Два древнихъ памятника XIII вѣка: одинъ—русскаго письма, листъ изъ книгъ евангельскихъ чтеній; другой—болгарскаго письма, неполную книгу евангельскихъ чтеній; второй памятникъ особенно любопытенъ, такъ какъ древнихъ памятниковъ болгарскихъ доселѣ извѣстно было мало. 2) Статью г. Юшкевича «Литовскія народныя пѣсни» съ русскимъ переводомъ, которую, согласно съ мнѣніемъ г. Срезневскаго, и опредѣлено напечатать въ Запискахъ Академіи. 3) Письмо изъ Флоренціи отъ г. Бецкаго, который, вслѣдствіе изъявленнаго ему академикомъ желанія, вызывается снять копію съ древней псалтыри, хранящейся въ Болоньѣ. Положено просить г. Бецкаго доставить какъ списокъ, такъ и снимки съ этой рукописи.

И. И. Срезневскій довелъ также до свѣдѣнія Отдѣленія, что къ издаваемой имъ Саввиной книгѣ онъ думаетъ приложить и другіе памятники того же письма и времени, именно: отрывокъ изъ псалтыря (псаломъ 118), новгородскіе листки изъ книги евангельскихъ чтеній, отрывокъ изъ Супрасльской мартовской четіи-минеи, отрывокъ изъ книги поученій Кирилла Іерусалимскаго и отрывокъ изъ Іоанно-экзарховскаго пролога. Все это памятники нерусскаго письма XI вѣка, одинаково важные для изслѣдованія древняго славянскаго языка; введеніе посвящено описанію каждаго изъ нихъ и нѣкоторымъ соображеніямъ о древнемъ языкѣ и письмѣ. Одобрено.

Ак. Гротъ заявилъ о трехъ недавно изданныхъ посторонними учеными трудахъ, какъ имѣющихъ отношеніе къ занятіямъ Отдѣленія за послѣднее время и заслуживающихъ полнаго вниманія по внутреннему ихъ достоинству. Это: 1) Новый отдѣлъ составляемыхъ профессоромъ М. И. Сухомлиновымъ «Матеріаловъ для исторіи просвѣщенія въ Россіи въ царствованіе императора Александра I». Подобно двумъ первымъ отдѣламъ, эта третья статья помѣщена въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія и въ то же время отпечатана отдѣльно. Вся появившаяся до сихъ поръ часть труда г. Сухомлинова замѣчательна по множеству новыхъ данныхъ, извлеченныхъ имъ преимущественно изъ дѣлъ архива министерства и сгруппированныхъ съ большимъ тщаніемъ и умѣньемъ, такъ что цѣлое представитъ, конечно, любопытную картину разсматри-

ваемаго предмета. Въ послѣдней статьѣ находится между прочимъ свѣдѣніе, служащее къ объясненію одного мѣста въ «Письмахъ Карамзина къ Дмитріеву». 7-го сентября 1822 года исторіографъ писалъ между прочимъ о Жуковскомъ: «Онъ теперь въ состязаніи съ цензурою за послѣднюю балладу». Относящееся къ этимъ словамъ примѣчаніе г. Лонгинова указываетъ на «балладу, въ которой описывается, какъ одна старушка ѣхала на черномъ конѣ» и проч., балладу, переведенную съ англійскаго еще въ 1814 году, а напечатанную не прежде 1831. Но теперь изъ «Матеріаловъ» г. Сухомлинова становится яснымъ, что въ письмѣ Карамзина рѣчь идетъ о «Замкѣ Смальгольмъ», и мы узнаемъ любопытнѣйшія подробности о соображеніяхъ, по которымъ цензора считали нужнымъ остановить это стихотвореніе; возраженія Жуковскаго не помогли, и баллада, первоначально озаглавленная «Ивановъ вечеръ», была запрещена, главнымъ образомъ по отсутствію въ ней всякой нравственной цѣли. Она появилась въ печати только черезъ два года (1824), подъ заглавіемъ: «Дунковъ вечеръ».

2) Напечатанный въ «Ученыхъ Запискахъ Казанскаго университета» и отдѣльною брошюрою трудъ профессора Н. Н. Булича: «Біографическій очеркъ Н. М. Карамзина и развитіе его литературной дѣятельности». Это то, что́ г. Буличъ, какъ уже извѣстно изъ газетъ, читалъ въ Симбирскѣ 1-го и 2-го декабря, по приглашенію комитета Карамзинской библіотеки. Въ небольшомъ вступительномъ обращеніи къ слушателямъ, которое отличается особенною теплотою, профессоръ справедливо замѣтилъ, что Карамзинъ—первый русскій писатель, «удостоившійся публичнаго, торжественнаго поминанія черезъ сто лѣтъ въ день его рожденія». Самый «Очеркъ» содержитъ въ себѣ, на 100 слишкомъ страницахъ убористой печати, возможно полный по такому объему обзоръ жизни, трудовъ и заслугъ Карамзина, съ обстоятельными указаніями на источники сообщаемыхъ свѣдѣній. Г. Буличъ очень прилежно и добросовѣстно воспользовался для своей задачи всѣми напечатанными до юбилея матеріалами, и нельзя строго винить его за нѣкоторыя, впрочемъ очень немногія, обмолвки, замѣтныя только тому, кто имѣлъ въ рукахъ болѣе обильныя пособія, недоступныя ученому вдали отъ столицъ. Такъ наприм., г. Буличъ думаетъ, что подъ именемъ *Аглаи* въ сочиненіяхъ Карамзина должно разумѣть Л. И. Протасову, сдѣлавшуюся впослѣдствіи первою его женою, тогда какъ въ самомъ дѣлѣ оно означаетъ сестру ея, Настасью Ивановну, бывшую замужемъ за Плещеевымъ. Изъ высказанныхъ ав-

торомъ мнѣній трудно согласиться съ его взглядомъ на поэтическія произведенія Карамзина, въ которыхъ будто бы «очень мало личнаго содержанія, что служитъ прямымъ доказательствомъ отдаленности его стихотвореній отъ его души и сердца». Многіе гораздо справедливѣе, кажется, находятъ, что въ стихахъ Карамзина, напротивъ, отразилась его сердечная жизнь и что они богаты чувствомъ, если не поэзіей. Карамзинъ былъ поэтомъ только по вдохновенію сердца; въ его стихахъ слышится одушевленіе всякій разъ, когда онъ выражаетъ завѣтную мысль или глубоко волнующее его чувство. Тѣмъ не менѣе, брошюра г. Булича, основанная на тщательномъ изученіи предмета, вездѣ отмѣченная мыслію и написанная съ оживленіемъ, должна быть встрѣчена какъ отрадное доказательство, что авторъ не оставляетъ своихъ историко-литературныхъ розысканій, начатыхъ такъ успѣшно его монографіей о Сумароковѣ.

3) Изданный въ Парижѣ ко дню юбилея Карамзина французскій переводъ, въ нѣсколько сокращенномъ видѣ, «Писемъ русскаго путешественника», подъ заглавіемъ: «Lettres d'un voyageur russe en France, en Allemagne et en Suisse». Переводчикъ, бывшій профессоръ петербургскаго университета, В. С. Порошинъ, посвятивъ свой трудъ памяти Карамзина, присоединилъ къ нему предисловіе, біографическую замѣтку объ авторѣ писемъ и два приложенія: въ одномъ онъ сообщаетъ измѣнившійся впослѣдствіи взглядъ Карамзина на Петра Великаго по «Запискѣ о древней и новой Россіи», а въ другомъ — отчетъ самого «Русскаго путешественника» о содержаніи его писемъ, заимствованный изъ Spectateur du Nord 1797 г. и недавно перепечатанный П. П. Пекарскимъ, при содѣйствіи г. Порошина, въ «Письмахъ Карамзина къ Дмитріеву». Въ предисловіи переводчикъ подробно объясняетъ заслугу своего соотечественника въ отношеніи къ языку и вліяніе его, этимъ путемъ, на образованіе и нравы русскаго общества. Онъ причисляетъ Карамзина къ тѣмъ людямъ, которые дѣйствовали въ смыслѣ противномъ перевороту, произведенному Петромъ Великимъ. «Изъ обломковъ, которые этотъ государь оставилъ за собою въ своемъ стремленіи, уничтожая столько обычаевъ, несовмѣстныхъ съ новымъ порядкомъ вещей, несокрушимыя стихіи нравственной личности націи должны были рано или поздно выдѣлиться и укрѣпиться въ своей жизненной силѣ. Къ числу этихъ стихій надобно отнести языкъ, обязанный Карамзину и его школѣ тѣмъ, что онъ сталъ знаменіемъ возсоединенія, примѣтою русской жизни въ собственномъ значеніи этого слова, предметомъ дѣятельной разработки и настоящею обществен-

ной силой. Въ другихъ отношеніяхъ Карамзинъ шелъ по пути, указанному геніемъ великаго царя. Подобно ему, онъ путешествовалъ, чтобы уяснить своимъ соотечественникамъ цѣль нововведеній и привлечь ихъ къ этой цѣли, выставивъ въ полномъ свѣтѣ выгоды и важность результатовъ, осуществленіе которыхъ онъ видѣлъ у другихъ народовъ... Издавъ свои путевыя впечатлѣнія, онъ поставилъ русскихъ читателей въ духовное общеніе съ корифеями искусства и науки въ Европѣ, и такимъ образомъ дополнилъ безсмертное дѣло Петра Великаго.» Далѣе г. Порошинъ оправдываетъ Карамзина отъ упрека въ недостаточномъ вниманіи къ французской революціи, устанавливаетъ настоящую точку зрѣнія на его путешествіе и, наконецъ, остроумно проводитъ параллель между имъ и французскимъ писателемъ 17-го вѣка, Бальзакомъ, имѣвшимъ также большое значеніе въ образованіи письменнаго языка своего народа. Въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ къ письмамъ собрано много любопытныхъ свѣдѣній, особенно о писателяхъ, упоминаемыхъ Карамзинымъ, и разъяснены нѣкоторыя изъ именъ, означенныхъ у него только начальными буквами. Такъ въ письмахъ изъ Парижа (стр. 280) объяснены буквы, подъ которыми должно разумѣть князей Дмитрія Владиміровича и брата его Бориса Голицыныхъ и извѣстнаго собирателя рукописей, Дубровскаго. Другія буквы остались неразъясненными; напр., въ письмѣ изъ Цюриха (стр. 67), гдѣ замѣчено о сходствѣ Пфенингера съ Г., не сказано, что эта буква означаетъ мистика Семена Ивановича Гамалѣя, который будто бы написалъ инструкцію въ руководство Карамзину во время его путешествія. Есть, впрочемъ, въ письмахъ Карамзина и нѣсколько такихъ буквъ, которыя разъяснить уже невозможно. Въ концѣ своего предисловія, помѣченнаго 1-мъ декабря, г. Порошинъ говоритъ: «Россія празднуетъ сегодня столѣтнюю годовщину рожденія Карамзина. Желаемъ, чтобъ эта книжка, въ первый разъ издаваемая на языкѣ *), который можно назвать всемірнымъ, доставила автору многочисленныхъ друзей въ чужихъ краяхъ и внушила имъ хоть нѣкоторую долю того высокаго и искренняго уваже-

*) Это замѣчаніе не опровергается напечатанною въ 1815 г., во Франціи, книжкою: «Extrait des voyages du docteur Karamsin, Médecin de Moscou»: въ ней заключается только отрывокъ изъ «Писемъ р. путеш.», въ которомъ описываются Лондонъ и вообще Англія. Въ предисловіи переводчикъ (Tuault de Bouvrie) повѣствуетъ, что Карамзинъ былъ богатый московскій врачъ и свои письма написалъ на нѣмецкомъ языкѣ. (Отчетъ Имп. Публ. Библ. за 1864 г.)

нія, какое мы чувствуемъ къ его памяти!» Г. Порошинъ выполнилъ свою задачу такъ умно и ловко, что книга его, конечно, будетъ съ удовольствіемъ читаться иностранной публикой.

Тотъ же академикъ: 1) роздалъ сочленамъ присланные М. П. Погодинымъ экземпляры извѣстнаго уже публикѣ труда его — двухъ томовъ біографіи Карамзина, объяснивъ, что за ними долженъ послѣдовать еще томъ дополненій и примѣчаній, съ двумя портретами, и 2) представилъ полученное имъ отъ г. Пономарева, изъ Полтавы, начало «Матеріаловъ для библіографіи литературы о Карамзинѣ». Въ свое время было заявлено о подобномъ трудѣ, исполненномъ г. Пономаревымъ относительно Ломоносова. Нынѣ онъ пишетъ, что новый библіографическій указатель его уже готовъ вчернѣ и будетъ по частямъ доставленъ въ Отдѣленіе. Положено просить о томъ г. Пономарева.

Академикъ Пекарскій представилъ два неизвѣстныя до сихъ поръ собственноручныя письма Ломоносова: 1) писанное по-нѣмецки изъ Марбурга въ Фрейбергъ къ Виноградову, отъ 18 апрѣля 1741 года; Ломоносовъ жалуется на его долгое молчаніе, проситъ прислать реторику Каузина, записки Петрея и стихотворенія Гюнтера, и извѣщаетъ о полученномъ изъ Петербурга приказаніи возвратиться; 2) письмо къ начальнику Кабинета И. А. Черкасову, отъ 27 іюля 1749, о результатахъ пробы, произведенной по его требованію надъ мѣдью съ острова около Камчатки. Когда, черезъ нѣсколько лѣтъ, для полученія этой мѣди отправленъ былъ на мѣсто оберъ-гитенфервальтеръ Яковлевъ, то онъ, при описаніи своей зимовки на другомъ островѣ (Командорскомъ), оставилъ любопытныя подробности о животномъ, нынѣ уже совершенно истребленномъ, именно о *морской коровѣ* (Rytina borealis). Это извѣстіе приложено г. Пекарскимъ къ письму Ломоносова.

Академикъ Бычковъ прочелъ въ подлинникѣ также неизвѣстное доселѣ письмо Ломоносова къ И. И. Шувалову, отъ 2 сентября 1757 года, гдѣ, по вызову этого вельможи, изложено мнѣніе знаменитаго ученаго о порученіи Вольтеру написать исторію Петра Великаго.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ПРОТОКОЛАМЪ.

О РѢЧИ ВЪ ПАМЯТЬ ЛОМОНОСОВА, ПРОИЗНЕСЕННОЙ ВЪ АКАДЕМІИ НАУКЪ ДОКТОРОМЪ ЛЕ-КЛЕРКОМЪ.

П. Пекарскаго.

11 апрѣля 1765 года, академикъ Штелинъ предложилъ въ академическомъ засѣданіи о избраніи въ почетные члены Академіи Наукъ французскаго доктора медицины, Николая Гавріила Клерка (родился въ Франшъ-Конте, 1726 года).

Званіе врача было какъ-бы наслѣдственнымъ въ его семействѣ въ теченіе почти двухсотъ лѣтъ: Николай Клеркъ посвятилъ себя также медицинѣ и скоро достигнулъ извѣстности своими удачными нововведеніями въ лѣченіи разныхъ болѣзней. Въ 1759 году, будучи старшимъ врачемъ во французской арміи, онъ, съ дозволенія своего правительства, отправился въ Россію и въ 1764 году, въ Москвѣ, напечаталъ «Medicus veri amator ad apollineae artis alumnos» — сочиненіе, заключающее въ себѣ полезныя наблюденія надъ ядами, и «Moyen de prévenir la contagion et d'y remédier», въ которой есть свѣдѣнія объ эпидемическихъ болѣзняхъ въ Украйнѣ и о средствахъ противъ возобновленія ихъ. Кромѣ того, Клеркъ и прежде издалъ нѣсколько своихъ трудовъ по части медицины, а потому Академія Наукъ, по предложенію Штелина и въ уваженіе ученыхъ сочиненій доктора, того же 11 апрѣля избрала его въ число своихъ почетныхъ членовъ.

15 апрѣля онъ уже присутствовалъ въ академическомъ засѣданіи и при этомъ случаѣ произнесъ на французскомъ языкѣ рѣчь. До сихъ поръ о ней было извѣстно только по краткому упоминанію въ академическомъ протоколѣ, именно, что новый сочленъ говорилъ въ похвалу недавно скончавшагося Ломоносова, а также Петра Великаго и Екатерины II. Нынѣ рѣчь эта нашлась въ Государственномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Въ ней Клеркъ, послѣ благодарности за сдѣланную ему Академіею честь, переходитъ къ Ломоносову *):

*) Помѣщаю здѣсь переводъ этого мѣста:

«Но я слишкомъ много говорю вамъ о себѣ, милостивые государи! Польза частнаго лица не въ состояніи вознаградить общественной утраты! То же самое чувство, которое дѣлаетъ меня столь признательнымъ къ оказанной мнѣ вами благосклонности, должно откликнуться и на вашу справедливую го-

«Mais c'est trop vous parler de moi, Messieurs! L'avantage d'un particulier ne peut compenser une perte publique! Le même sentiment qui me rend si sensible à la faveur que vous m'avés accordée, doit se prêter à votre juste douleur; il doit s'attendrir avec vos Muses et porter le deuil avec elles.

Il n'est plus cet homme dont le nom servira d'epoque dans les Annales de l'esprit humain; ce Genie vaste et lumineux qui avoit embrassé et eclairé plusieurs genres à la fois! Il n'est plus ce Poëte sublime qui dés l'instant de ses travaux vraiment glorieux, ainsi que cet oiseau qui s'élevant au-dessus des nues, fixe sans s'ébloüir d'immobiles regards sur le sein de la lumière!

Quel aiglon pourra imiter la hardiesse et la rapidité de son vol? Nourrisson des Muses, le feu de Pindare couloit dans ses veines; il avoit herité de la lyre d' Horace. Mais il n'est plus! La Société a joui de ses lumières, vos fastes jouiront de sa gloire; il sera révéré partout, où il y aura des hommes de gout. La renommée ne parle jamais plus haut que quand l'homme n'est plus à portée de l'entendre:

рестъ. Оно должно умилиться вмѣстѣ съ вашими Музами, одѣться въ трауръ вмѣстѣ съ ними.

Не стало человѣка, имя котораго составитъ эпоху въ лѣтописяхъ человѣческаго разума, обширнаго и блестящаго генія, обнимавшаго и озарявшаго вдругъ многія отрасли. Не стало возвышеннаго поэта, который въ минуты своего, поистинѣ славнаго творчества равнялся той птицѣ, которая, поднявшись выше облаковъ, неподвижно останавливаетъ взоръ на свѣтило, не ослѣпляясь его блескомъ!

Какой молодой орелъ въ состояніи подражать смѣлости и быстротѣ его полета? Въ жилахъ питомца Музъ текъ огонь Пиндара; онъ наслѣдовалъ лиру Горація. Но его уже нѣтъ! Общество пользовалось его знаніями; наши лѣтописи воспользуются его славою: его будутъ чтить повсюду, гдѣ будутъ люди просвѣщенные. Слава тогда говоритъ всего громче, когда человѣкъ лишенъ возможности слышать ее. Разомъ она переletаетъ и время, и пространство; ея объемъ—печать ея продолжительности

Сколько сожалѣній, милостивые государи, для Академіи, и какая утрата для государства, что труды Ломоносова не увѣнчались прекраснѣйшимъ, благороднѣйшимъ, величайшимъ и въ то же время наиболѣе достойнымъ изъ всѣхъ успѣховъ этого знаменитаго поэта! Ему было предназначено придать «Петріадѣ» ей принадлежащій отпечатокъ безсмертія. Ему предлежало оживотворить героя, который былъ предметомъ ея, начертать намъ великіе замыслы, великія побужденія, его волновавшія, и изобразить ихъ величественно. Кто въ состояніи продолжать и увѣковѣчить это сочиненіе, такъ достойно начатое? По какому року, милостивые государи, творецъ этой имперіи, питомецъ Марса, отецъ Музъ, вашъ августѣйшій основатель избѣгнулъ мужественной кисти, яркихъ красокъ этого Апеллеса? Онъ былъ созданъ для Александра....»

du même essort dont elle franchit les tems, elle franchit les lieux, et son etendue est le sçeaux de sa durée.

Quels regrets, Messieurs, pour cette Academie, et quelle perte pour cet Empire, que les travaux de Lomonosoff n'ayent pas été couronnés par le plus beau, le plus noble, et le plus grand de tous les succés, et en même tems le plus digne de ce poëte illustre? C'étoit à lui qu' il étoit réservé de donner à la Petréiade cette empreinte d'immortalité qui lui est propre: c'étoit à lui à rendre la vie au héros qui en est le sujet, et à nous retracer les grands desseins, et les grands mouvemens qui l'agitoient, et à les exprimer avec majesté: qui pourra suivre et perpétuer cet ouvrage si dignement ébauché? par quelle fatalité, Messieurs, le Créateur de cet Empire, l'Eleve de Mars, le Père des Muses, votre fondateur auguste, a-t-il echapé au pinceau mâle, au brillant coloris de cet Apelle? Il étoit fait pour Alexandre».... (Затѣмъ слѣдуютъ риторскія похвалы Петру Великому и Екатеринѣ II.)

18 апрѣля 1765 г., рѣчь Клерка была разослана къ тѣмъ изъ академиковъ, которые не присутствовали въ засѣданіи 15 апрѣля, а 22 числа того же мѣсяца въ протоколѣ было записано, что нѣкоторыя выраженія въ рѣчи Клерка не всѣмъ понравились, и что въ будущее засѣданіе слѣдуетъ переговорить съ академиками, что̀ въ ней надобно исправить или выпустить. Изъ дальнѣйшихъ протоколовъ, однако, не видно, чтобы было что либо опредѣлено объ этой рѣчи *).

Что касается до автора ея, то онъ во время пребыванія въ Россіи, кромѣ занятій медициною, былъ употребляемъ французскимъ правительствомъ по дипломатическимъ дѣламъ, за что̀, по возвращеніи во Францію, получилъ дворянское достоинство и пенсію въ 6 т. ливровъ. Съ тѣхъ поръ онъ сталъ писаться Ле-Клеркомъ (Le Clerc). Въ русской исторической литературѣ Ле-Клеркъ памятенъ сочиненіемъ Histoire de la Russie ancienne et moderne, Paris 1783—1794, 6 vol. in-4°, которая вызвала обширныя и жесткія возраженія со стороны Ив. Бутурлина. Они изданы въ двухъ томахъ въ 1788 г., подъ заглавіемъ: «Примѣчанія на исторію древнія и нынѣшнія Россіи г. Ле-Клерка». Эпиграфомъ Бутурлинъ взялъ выраженіе изъ сочиненія самого Ле Клерка: «Il n'y a que la fureur d'écrire sur les sujets qu'on ignore, ou que le besoin de

*) Матеріалы для біографіи Ломоносова, г. Билярскаго, стр. 738, 739.

vivre qui puisse faire servir l'art de l'imprimerie au trafic du mensonge». Кромѣ того, Ле-Клеркъ издалъ въ Амстердамѣ 1775 г. переводъ «Les plans et statuts de différents établissements ordonnés par l'impératrice Catherine II pour l'éducation de la jeunesse de son Royaume». Въ Петербургѣ имъ напечатаны: 1771 г.—«De la contagion, de sa nature, de ses effets, de ses progrès, et des moyens les plus sûrs pour la prévenir et pour y remédier». 1774 г.—«L'Art de débuter dans le monde avec succès», съ посвященіемъ русскимъ кадетамъ.

Ле-Клеркъ скончался 30 декабря 1798 года. Подробности о его жизни и сочиненіяхъ въ Biographie universelle de M. Michaud.

СОБСТВЕННОРУЧНЫЯ ПИСЬМА ЛОМОНОСОВА.

Сообщ. П. Пекарскимъ.

1. КЪ ВИНОГРАДОВУ (1741 ГОДА).

Monsieur!

Ich habe nicht gemeint dasz Ihre angebothene Freundschafft so ein kurtzes Ende haben würde. Können Sie sich besinnen dasz Sie sich freywillig angegeben haben mir zu antworten, so werden Sie auch für billig finden, dasz ich mich über Sie beschwähre ist es erlaubt dasz man seinem Landsmann und Camerat, der noch im Stande ist in dem oder jenem Fall zu dienen, gantz vergesze. Auf den ersten Brieff, den ich auf ihre grosze Versicherungen mit guter Hoffnung geschickt, habe ich kaum in sechs Wochen Antwort erhalten. Nun aber sind schon ohngefähr zwelf Wochen vergangen, da ich auf meines zweiten Briefs Antwort warte. Die Ursache kan mir ohngefähr einbilden, aber ich mag sie nicht hier schreiben. Ich bitte nur die drey Bücher: Nicolai Causini Rhetoricam, Petri Petraei Historiam von Ruszland und den Günther wie auch das Geld, für die etwa verkaufte Bücher, dasz übrige können Sie bey sich behalten und dafür etwa das Porto bisz Eisenach betzahlen. Ich habe eine Ordre aus St. Petersburg erhalten mich dahin zu begeben; zu meiner Reise habe ich ein Wechsel von 100 Rubel bekommen, die Schulden aber werden à part bezahlet. Aus den Briefen die ich von dem Herrn Geheimen Rath Wolf aus Halle und von dem Herr Schumacher empfangen kan

ich eine guthe Hoffnung von meiner Beförderung haben. Nach drey Wochen werde ich mich über Hannover nach Lübeck verfügen. Deszwegen bitte das lezte mahl mir zum wenigsten die drey gedachte Bücher zu überschicken, und verbleibe

Aufrichtiger Freind
und Diener
Lomonosoff.

Marburg
D. 18 Aprilis
1741.

(На полѣ:) Поклонъ Господину Рейзеру. Ich bitte den Koffert dafür was man geben will verkauffen.

Адресъ:

A Monsieur
Monsieur Winogradoff
étudiant en Philosophie et
Mathematiques.

franco Erffurth.
Es wird der H. Freybergische Postmeister gebeten diesen Brief immediate zu übergeben.

à Freyberg
en Saxe.

КЪ ИВАНУ АНТОНОВИЧУ ЧЕРКАСОВУ.

1749 года.

Въ 1749 г. до свѣдѣнія Кабинета императрицы Елизаветы дошло, что въ бергъ-коллегіи хранится мѣдь, собранная на одномъ островѣ около Камчатки а потому былъ потребованъ оттуда одинъ фунтъ этой мѣди «на пробу: сходна ли будетъ въ добротѣ съ японскою?»

Пробу производилъ Ломоносовъ, о чемъ осталось свидѣтельство въ слѣдующемъ собственноручномъ письмѣ его къ начальнику Кабинета Черкасову.

«Милостивой Государь Иванъ Антоновичь. Присланныя отъ Вашего Превосходительства полъ фунта чистой да полъ фунта нечистой камчатской самородной мѣди въ лабораторіи пробовалъ,

а по пробѣ явилось 1) что нечистая мѣдь содержитъ въ себѣ чистой $29^1/_2$ фунта чистой мѣди 2) Чистая самородная мѣдь такъ же и отдѣленная отъ нечистой Швецкую мѣдь добротою превосходитъ и отъ Яппонской добротою неразнится чувствительно, чему и дивиться нельзя, для того что Яппонія и Камчатка лежатъ на одной гривѣ, которая разорвана только моремъ и признаки свои изъ по^д воды островами показываетъ. 3) По пробѣ на серебро и на золото ничего въ сихъ мѣдяхъ неоказалось: ибо зерно которое на капели осталось, было столь же тяжело, сколько серебра исъ приложеннаго къ тому свинцу вытти должно. При се^м желая чтобъ толь богатая мѣдь гдѣ нибудь ближе въ отечествѣ наше^м открылась, и препоручая себя продолженію вашей ко мнѣ милости съ глубокимъ почтеніе^м пребываю

Вашего Превосходительства
всепокорный слуга
Михайла Ломоносовъ.

С. П. бургъ
Іюля 27 дня
1749 года.»

Вслѣдствіе такого отзыва академика Кабинетъ распорядился: «а чтобъ получить сюда оной камчатской мѣди довольное (на лигатуру въ червонные и на другія потребы) число, о томъ бергъ-коллегія имѣетъ свое прилежное стараніе употребить и чтобъ притомъ было совершенное географическое описаніе и по горному искусству описаніе жъ, какъ оная въ какомъ количествѣ лежитъ и какимъ способомъ ее достать можно, для чего надлежитъ отправить искуснаго горнаго офицера изъ бергъ-коллегіи».

За перепискою и по случаю разныхъ затрудненій, это приведено въ исполненіе въ 1754 году. Въ августѣ этого года отправился на Мѣдный островъ оберъ-гитенъ-форвальтеръ Петръ Яковлевъ; но, не достигнувъ его, онъ зимовалъ съ командою на Командорскомъ островѣ, который, по словамъ Яковлева, «званіе свое имѣетъ потому, что на ономъ мѣсто имѣется такое, гдѣ напредь сего разбито было моремъ и на берегъ онаго выкинуто казенное судно, на которомъ былъ камчатской экспедиціи капитанъ командоръ Берингъ и помре и погребенъ на томъ мѣстѣ»... При описаніи этой зимовки Яковлевъ оставилъ слѣдующія подробности о животномъ,

нынѣ уже совершенно истребленнымъ, именно Rytina borealis, (морская корова):

«И тако всѣ, записалъ Яковлевъ въ своемъ дневникѣ, во оном островѣ зимовали по разнымъ, готово сдѣланнымъ отъ прежнихъ нѣкихъ промысловъ людей земляным юртамъ и питались съ удовольствіемъ морскихъ коровъ мясами. Какъ тогда оной тѣхъ коровъ промыслъ чиненъ, усмотрѣнъ былъ въ называемой Низовцовой гавани, что тутъ въ морѣ, близь береговъ почти всегда усматривались по одной и табунами тѣ коровы ходятъ. Для которыхъ промыслу ѣздятъ въ елботѣ человѣкъ по осьми, изъ которыхъ одинъ имѣя на долгомъ шестѣ укрѣпленную шпажную широкую и долгую полосу (называютъ оную поколюгою), съ которою онъ стоитъ близь кормы предъ кормщикомъ, а прочіе сидятъ въ гребяхъ и когда они противъ головы коровы поверстаются, тогда поворотится елботъ съ кормою къ коровѣ, а стоящій съ поколюгою даетъ сердечную рану той морской скотинѣ, и гребцы съ елботомъ имѣтъ весьма на скорѣ отгребнуться отъ коровы прочь, чтобъ та заколотая корова хвостомъ своимъ, тожъ и ластомъ не розшибла ихъ елботъ. И тако оная колотая скотина, съ раною сердечною недолго плавая въ морѣ, утомится и, остановясь на одномъ мѣстѣ, повернется брюхомъ къ верху. А промышленники оную носкомъ, тожъ и крюкомъ, который съ ремнемъ и тонкимъ шестикомъ, на то учиненными, достанутъ оную корову, и привяжутъ къ кормѣ елбота и прибучерятъ тожъ и приплавятъ къ берегу весьма поблизку и распластав оную, чтобъ не испортилась и не искисло оныя коровы мясо, которое если не расплостанное бываетъ, то чрезъ сутки можетъ все въ негодность къ пищѣ учинится. А той одной коровы мяса всѣмъ 33-мъ человѣкамъ на одинъ мѣсяцъ со удовольствіемъ происходило въ пищу и съ остатками, понеже всего чистаго мяса и жиру, кромѣ костей, въ одной коровѣ быть признавалось до 200 пудъ. А со оныхъ же коровъ снятыя кожи употребляются на дѣло байдаръ, въ которыхъ весьма удобно ѣздить по морю, такъ-что лучше деревяннаго елбота; такожъ и на дѣло обуви и ко онымъ на подошвы употребляются жъ. Да еще притомъ же усмотрѣно, какъ оные промышленники когда бываютъ на промыслахъ ихъ малыми партіями человѣка по два и по три и живутъ по всему сѣверному онаго командорскаго острова берегу въ разныхъ мѣстахъ, въ земляныхъ юртахъ или зимницахъ для промысловъ песцовыхъ и прочихъ морскихъ звѣрей; а пищи у нихъ, кромѣ коровьихъ мясъ, ничего нѣтъ; тогда они тѣмъ коровьимъ

табунамъ, подлѣ берегу въ морѣ обрѣтающимся, чинятъ сугубую трату и гибель, такъ-что изъ нихъ человѣкъ съ берегу или неглубоко заходитъ въ море и колетъ упомянутою поколюгою, привязавши на долгой шестъ и ранитъ одну или другую корову смертно; но тѣ раненыя коровы уходятъ въ море, и тамо, когда отъ ранъ обезсилѣютъ, тогда моремъ на берегъ не скоро мясо ихъ выметываетъ, и, чрезъ долгое время послѣ колотья, каждая корова, если нераспластанная, изкисаетъ и къ пищѣ негодная бываетъ.

«И такъ оный промыселъ коровъ немноголюдствомъ, хотя и много колютъ, да къ рукамъ ихъ ни одна свѣжая корова не приходитъ, и за тѣмъ они претерпѣваютъ разный голодъ, а коровьимъ табунамъ чинятъ искорененіе, которое подлинно статься можетъ безъ сумнѣнія, понеже оныхъ коровъ пища усматривается точію одна морская капуста, которую онѣ ѣдятъ и которая токмо ростетъ при островныхъ берегахъ въ морѣ неподалеку; причемъ оный скотъ морскія коровы тутъ и видятся; а по удаленіи отъ острова, въ морѣ жъ, ни коровъ, ни капусты не усматривается. Чего для по прибытіи его (Яковлева) изъ онаго морскаго вояжа въ Нижне-Камчатскій Острогъ и онаго острога въ приказную избу въ 1755 г. ноября отъ 27 и промеморіею сообщено, чтобъ впредь кои будутъ посылаться на оный командорскій островъ, надлежитъ имъ таковые вышепоказанные, малолюдствомъ вредительные промыслы морскихъ коровъ запретить отъ Большерѣцкой канцеляріи указомъ, дабы и оной командорской островъ опустошенъ не былъ такъ, какъ и Мѣдный островъ нынѣ находится опустошенъ, что ко оному ему (Яковлеву) съ рѣченною командою людьми для зимованія на ономъ и пристать, какъ выше писано, въ 1754 г. невозможно стало быть затѣмъ, что всегдашній тутъ людямъ, за неимѣніемъ морскихъ коровъ, голодъ имѣется, а напредь сего, какъ отъ оной же команды служилыхъ и Камчадаловъ, кои на ономъ Мѣдномъ островѣ бывали, ему сказывали, что на ономъ-де бобровые промыслы тысячами, а морскія коровы табунами многими находились, а нынѣ тѣ коровы всѣ такъ искоренены, что никогда ни единой нигдѣ не увидишь, въ чемъ такъ нынѣ и подлинно оный Мѣдный островъ состоитъ, что при немъ коровьихъ табуновъ уже не имѣется...»

СОБСТВЕННОРУЧНОЕ ПИСЬМО ЛОМОНОСОВА КЪ И. И. ШУВАЛОВУ 1757 Г.

Сообщ. А. Бычковымъ.

Милостивый Государь Иванъ Ивановичь.

Полученное отъ Вашего Превосходительства милостивое письмо съ радостію прочиталъ и увѣдалъ я непремѣнное Ваше стараніе о прославленіи бессмертныхъ дѣлъ блаженныя памяти Государя Императора Петра Великаго на иностранныхъ языкахъ. Къ сему дѣлу по правдѣ господина Волтера никто не можетъ быть способнѣе; только о двухъ обстоятельствахъ нѣсколько подумать должно. Первое что онъ человѣкъ опасной, и подалъ въ разсужденіи высокихъ особъ худые примѣры своего характера. Второе хотя довольно можетъ онъ получить отъ насъ записокъ; однако переводъ ихъ на языкъ ему знаемой великаго труда и времени требуетъ. Что до сего надлежитъ, то принимаю смѣлость предложить слѣдующее. Во первыхъ долженъ онъ себѣ здѣлать краткой планъ, которой можетъ сочиненъ быть изъ сокращеннаго описанія дѣлъ Государевыхъ, которое я имѣю, къ чему онъ и сочиненной мною панегирикъ не безъ пользы употребить можетъ; ежели на Французской языкъ переведенъ будетъ. Профессоръ Штрубе перевелъ уже великую его часть; однако я не могъ упросить, чтобъ онъ привелъ къ окончанію; а приказать власти не имѣю. По сочиненіи плана и по его сюда сообщеніи, думаю, что лутче къ нему посылать переводы съ записокъ по частямъ, какъ порядокъ въ планѣ покажетъ, а не все вдругъ. И какъ станетъ онъ сочинять начало, между тѣмъ протчей переводъ поспѣвать можетъ и такъ сочиненіе скорѣе начаться и къ окончанію приходить имѣетъ. Ускореніе сего дѣла для престарѣлыхъ лѣтъ Волтеровыхъ весьма надобно.

У меня сколько есть записокъ о трудахъ великаго нашего Монарха, всѣ для сего предпріятія готовы. О состояніи Россіи вовремя царствованія Государя Царя Михайла Федоровича должно здѣлать краткой екстрактъ изъ лѣтописцевъ нашихъ, къ чему я могу употребить нѣсколько времени. Анекдоты при началѣ сего сочиненія не такъ нужны; при томъ же нѣтъ уже никого, кто бы дѣтскія лѣта Государевы помнилъ; однако и о томъ постараюсь, чтобы хотя отъ другихъ слышанное слышитъ (sic). При семъ имѣю честь прислать къ Вашему Превосходительству первой листъ моей рѣчи *), которую буду говорить въ 6 число сего мѣсяца въ

*) О рожденіи металловъ отъ трясенія земли.

Академическомъ публичномъ собраніи. А какъ обыкновенно такія рѣчи подаваны были прежде въ 5 число Ея Императорскому Величеству Всемилостивѣйшей Государынѣ: того ради Ваше Превосходительство всепокорнѣйше прошу чтобъ я могъ удостоиться быть на сіе торжество въ Сарскомъ селѣ, какъ для поданія рѣчи, такъ же чтобы Ваше Превосходительство поздравить съ пресвѣтлымъ праздникомъ и съ возвращеніемъ дражайшаго вашего здравія, о котораго слабости безмѣрно я соболѣзновалъ. Ожидая милостиваго соблаговоленія съ глубокимъ высокопочитаніемъ пребываю

Вашего Превосходительства
всепокорнѣйшій слуга
Михайло Ломоносовъ.

Изъ Санктпетербурга
Сентября 2 дня,
1757 года.

ЯНВАРЬ И ФЕВРАЛЬ 1867 ГОДА.

Академикъ Срезневскій представилъ Отдѣленію: 1) полученный имъ отъ А. В. Горскаго списокъ указаній подлинника (по изданію Монфокона) поученій Іоанна Златоуста, помѣщенныхъ въ «Златоструѣ»; 2) похвалу Кирилла-Философа, приготовленную имъ къ изданію по четыремъ спискамъ; 3) сообщенный ему докторомъ Ягичемъ изъ Загреба любопытный остатокъ глаголицы въ спискѣ, палеографически-вѣрномъ, описывая его притомъ очень подробно. Это отрывокъ изъ служебнаго Апостола сербскаго, или (какъ болѣе привыкли называть) хорватскаго письма, пока единственный въ своемъ родѣ, такъ-какъ всѣ доселѣ найденные памятники подобнаго письма не заключали въ себѣ никакихъ свидѣтельствъ о принадлежности ихъ православной церкви, а этотъ есть отрывокъ изъ церковной книги православной. Благодаря списку доктора Ягича, хоть одинъ изъ глаголическихъ памятниковъ хорватскаго отдѣла будетъ, наконецъ, изданъ палеографически: въ изданіяхъ Шафарика и Берчича помѣщены только произвольныя чтенія, и ни одинъ изъ нихъ доселѣ не напечатанъ въ снимкѣ. Кромѣ этого, Н. П. Великановымъ, учителемъ ковенской гимназіи, доставлены къ нему семнадцать рукописей, въ томъ числѣ три на пергаментѣ.

Онъ же прочиталъ: 1) начало своего изслѣдованія о нарѣчіяхъ старославянскаго языка по древнѣйшимъ его памятникамъ, какъ русскимъ, такъ и внѣ Россіи писаннымъ; 2) полученный отъ г. Нарановича черновой своеручный отпускъ письма Ганки къ бывшему министру народнаго просвѣщенія, С. С. Уварову (писанный, какъ видно изъ сдѣланной въ концѣ его отмѣтки, въ 1839 году), съ изложеніемъ подробнаго плана учрежденія при Академіи Наукъ шести каѳедръ по славянскимъ нарѣчіямъ, на которыя приглашались бы мѣстные представители ихъ; 3) отзывъ свой о сочиненіи профессора харьковскаго университета, П. А. Лавровскаго, въ рукописи, подъ названіемъ «Изслѣдованіе о коренномъ значеніи въ названіяхъ родства у Славянъ». Заявивъ, что находитъ этотъ трудъ достойнымъ помѣщенія въ «Запискахъ» Академіи, И. И. Срезневскій замѣтилъ, что дополнительныя историческія сравненія употребленія названій родства и свойства у Славянъ и другихъ европейскихъ народовъ въ простомъ быту (а не въ высшемъ кругѣ и въ литературѣ), вѣроятно, будутъ сдѣланы самимъ сочинителемъ позже, и что эти сравненія, если не измѣнятъ нынѣшняго взгляда ученаго изслѣдователя на разницу Славянъ западныхъ и восточныхъ въ отношеніи къ употребленію названій родства и свойства, то, конечно, подкрѣпятъ и выяснятъ окончательно его выводы. При этомъ прочитаны были имъ нѣкоторыя мѣста изъ рукописи г. Лавровскаго.

Академикъ Гротъ читалъ отрывки изъ приготовляемой имъ статьи о значеніи Карамзина въ исторіи русскаго литературнаго языка. Въ трудахъ, вызванныхъ недавно юбилеемъ исторіографа, эта сторона его дѣятельности осталась почти нетронутою. Бо̀льшая часть писавшихъ о немъ при этомъ случаѣ напоминаютъ о великой заслугѣ Карамзина въ отношеніи къ языку только мимоходомъ; одна изъ напечатанныхъ монографій посвящена, правда, именно этому предмету, однако не содержитъ въ себѣ ничего самостоятельнаго или новаго; другая хотя и не отвергаетъ вполнѣ значенія Карамзина въ преобразованіи нашей литературной рѣчи, однакожъ выражаетъ мысль, что языкъ его былъ новъ вовсе не по внѣшнему построенію фразы, а только по мыслямъ, чувствованіямъ и о̀бразамъ, выраженіемъ которыхъ онъ явился. Этотъ новый взглядъ, не подкрѣпленный, къ сожалѣнію, разностороннимъ изслѣдованіемъ дѣла, требуетъ обстоятельной повѣрки. Не принимая на себя рѣшенія столь обширнаго вопроса во всемъ его объемѣ, Я. К. Гротъ счелъ, однакожъ, на первый случай необходимымъ

внимательно сравнить языкъ Карамзина съ языкомъ главныхъ изъ предшественниковъ его въ разныхъ отрасляхъ литературы, языкъ «Московскаго Журнала» съ языкомъ другихъ современныхъ и ближайшихъ затѣмъ періодическихъ изданій, прослѣдить отношенія къ Карамзину нѣкоторыхъ изъ тогдашнихъ писателей и, наконецъ, точнѣе опредѣлить, въ чемъ именно состояло приписываемое ему преобразованіе литературнаго языка. Результаты этого разсмотрѣнія будутъ видны изъ статьи, которая въ скоромъ времени явится въ печати.

Тотъ же академикъ прочелъ полученное имъ отъ Л. Н. Майкова письмо, съ приложеніемъ замѣтокъ, сдѣланныхъ, по вызову Отдѣленія, къ матеріаламъ для библіографіи литературы Ломоносова. Положено пріобщить къ доставленнымъ отъ другихъ лицъ замѣткамъ этого рода, выразивъ г. Майкову искренюю признательность Отдѣленія.

Академикъ Пекарскій читалъ одну изъ главъ приготовляемаго имъ къ печати изслѣдованія: «Жизнь, сочиненія и переписка П. И. Рычкова». Въ этой главѣ разсказано начало знакомства его съ Ломоносовымъ и сотрудничества въ «Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ». Дѣятельное участіе въ этомъ литературномъ журналѣ, издававшемся отъ Академіи Наукъ въ 1755—1764 годахъ, раскрывается въ особенности изъ переписки его съ академикомъ Миллеромъ, которая и служитъ П. П. Пекарскому главнымъ источникомъ при обработкѣ біографіи Рычкова. Признательный къ сотрудничеству Рычкова, Миллеръ представлялъ его въ Академіи въ почетные члены. Академическая канцелярія, въ мнѣніи своемъ, подписанномъ въ 1759 г., между прочими, и Ломоносовымъ, полагала, что въ почетные члены слѣдуетъ избирать только лица, пріобрѣтшія уже извѣстность въ ученомъ мірѣ; тѣхъ же, кто содѣйствовалъ Академіи доставленіетъ полезныхъ извѣстій и записокъ, канцелярія предлагала возводить, по примѣру парижской Академіи Наукъ, въ члены-корреспонденты. Это представленіе утвердилъ тогдашній президентъ, графъ Кириллъ Григорьевичъ Разумовскій, почему и состоялось опредѣленіе «начать сіе учрежденіе (членовъ-корреспондентовъ) принятіемъ въ такіе корреспонденты, съ даніемъ дипломы, коллежскаго совѣтника Рычкова».

Русскіе источники упоминаютъ о посылкѣ въ Англію царемъ Борисомъ Ѳедоровичемъ Годуновымъ русскихъ молодыхъ людей для обученія языкамъ и наукамъ, равно и о томъ, что они не вернулись въ Россію, а одинъ изъ нихъ даже сдѣлался пасторомъ.

Академикъ Пекарскій отыскалъ въ посольскомъ наказѣ посланнику нашему въ Англіи, Алексѣю Зюзину, что ему въ іюнѣ 1613 г. даны были, между прочимъ, обстоятельныя наставленія о томъ, какъ долженъ онъ настаивать предъ англійскимъ правительствомъ о выдачѣ пяти молодыхъ Русскихъ, которыхъ въ 1602 г. взялъ съ собою въ Лондонъ, для обученія, именитый гость Джонъ Мерикъ. Наставленія эти заключаютъ въ себѣ подробности, которыя напечатаны ниже въ приложеніяхъ.

Тотъ же академикъ довелъ до свѣдѣнія Отдѣленія, что въ рукахъ С. Д. Полторацкаго находится единственный, сколько до-сихъ-поръ извѣстно, вполнѣ сохранившійся экземпляръ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» въ первый (1728) годъ ихъ изданія при Академіи Наукъ. Такъ-какъ этотъ экземпляръ содержитъ и предувѣдомленіе, котораго недостаетъ въ экземплярѣ Императорской Публичной Библіотеки, то Отдѣленіе, находя, что пріобрѣтеніе такой библіографической рѣдкости для Академіи было бы весьма желательно, вошло о томъ въ сношеніе съ г. Полторацкимъ и, по соглашеніи съ нимъ, полученный изъ Москвы экземпляръ «Вѣдомостей» переданъ въ академическую библіотеку, съ просьбой хранить его въ собраніи рукописей. Напечатанное передъ «Вѣдомостями» предувѣдомленіе сообщается здѣсь съ точнымъ соблюденіемъ его правописанія:

«Суріознымъ читателямъ россійскихъ вѣдомостей подается ко извѣстію.

Высокопочтенный читателю.

«Понеже въ россійскихъ вѣдомостяхъ, которые съ Нѣмецкихъ, Французскихъ, Галандскихъ, и протчихъ курантовъ къ пользѣ и ради Куріозитаты россійскаго народа, на россійскій языкъ переводятся, и въ типографіи здѣшней Императорской Академіи печатаются, при переводѣ оныхъ стіль инои употребленъ быть не можетъ, какъ нынѣ въ употребленіи, и въ прошлыхъ россійскихъ вѣдомостяхъ уже употребленъ былъ, изъ которыхъ иностранные терміны и слова оставлены быть не могутъ, но оные конечно при вѣдомостяхъ употреблять надлежитъ, что и въ нѣмецкихъ и въ протчихъ курантахъ чинится, понеже оные такъ ясно изъяснить и истолковать невозможно: и тако тѣмъ, которые сіи вѣдомости читать желаютъ, а въ Исторіи, Генеалогіи и Географіи не обучены, и въ иностранныхъ языкахъ не искусны, оные ясно и подлінно разумѣть трудно будетъ, то разсуждено заблаго и весма потребно, особливо же нынѣ въ началѣ не токмо историческіе, генеало-

гическіе и географическіе примѣчанія во оныхъ вѣдомостяхъ, но и изъясненія и толкованія всѣхъ иностранныхъ въ помянутыхъ вѣдомостяхъ случающихся словъ и терміновъ сочинять, и оные по окончаніи всякаго мѣсяца прилагать, пока надлежащіи къ читанію и выразумѣнію оныхъ лексіконъ о всѣхъ штатахъ, вѣдомостяхъ, конверсаціахъ, комерціахъ, рудокопныхъ и протчихъ дѣлѣхъ, которыми уже начатъ, изданъ и напечатанъ будетъ. Сверхъ того вскорѣ особливый лексіконъ на Латинскомъ, Нѣмецкомъ, Французскомъ и Россійскомъ языкахъ къ не малой пользѣ тѣхъ, которые онымъ языкамъ учится начали, а въ оныхъ еще не совершенно искусны, печатанъ быть имѣетъ: такожде сочинены нынѣ въ пользу тѣмъ, которые въ Нѣмецкомъ и Французскомъ языкахъ еще несовершенно обучены, Нѣмецкая и Французская грамматіки изъ которыхъ Нѣмецкая уже печатается.»

ИЗВѢСТІЕ О МОЛОДЫХЪ ЛЮДЯХЪ, ПОСЛАННЫХЪ БОРИСОМЪ ГОДУНОВЫМЪ ДЛЯ ОБУЧЕНІЯ НАУКАМЪ ВЪ АНГЛІЮ ВЪ 1602 ГОДУ.

Акад. П. Пекарскаго.

Въ библіотекѣ Императорскаго Археологическаго Общества хранится рукопись *), на первомъ листѣ которой написано такое заглавіе: «Посланіе царя государя Михаила Ѳедоровича всеа Русіи ко англинскому королю посла своего, жалобу свою объявляя на польскаго короля и на свитцкихъ (т. е. шведскихъ) нѣмецъ, понеже преступя крестное цѣлованіе, измѣнили и многокровопролитіе учинили россійскому государству». Рукопись содержитъ въ себѣ посольскій наказъ дворянину и намѣстнику шацкому Алексѣю Ивановичу Зюзину и дьяку Алексѣю Витовтову, которымъ царь Михаилъ Ѳедоровичъ 30 іюня 7121 (1613) г., стало быть четыре мѣсяца съ нѣсколькими днями послѣ своего вступленія на престолъ, велѣлъ «для своего государева и земскаго дѣла идти къ аглинскому Якубу королю въ послѣхъ».

Извѣстно, что въ старинныхъ посольскихъ наказахъ подробно излагалось все то, что должны не только дѣлать, но и говорить послы во время исполненія ими дипломатическихъ порученій за границею. Смуты въ Россіи отъ самозванцевъ и вооруженное вмѣша-

*) Въ 4^0, на 190 листахъ; доставлена въ Общество въ 1865 г. изъ Вологды, см. Извѣстія Арх. Общ. т. VI, вып. 2, стр. 41.

тельство при этомъ сосѣдей нашихъ—поляковъ и шведовъ—вотъ предметы, о которыхъ болѣе всего говорилось въ наказѣ Зюзину и Витовтову: они обязаны были извѣстить англійскаго короля Іакова о возшествіи на престолъ Михаила Ѳедоровича и просить у него, во первыхъ помощи людьми или деньгами противъ польскаго короля, а во вторыхъ посредничества къ заключенію прочнаго мира съ шведскимъ королемъ Густавомъ Адольфомъ. При этомъ случаѣ нашимъ посламъ вмѣнялось въ обязанность разсказать и объяснить всѣ «великія неправды» поляковъ и шведовъ почти въ тѣхъ же выраженіяхъ, въ какихъ излагалось это въ посольскомъ наказѣ, данномъ въ іюлѣ того же 1613 года нашему послу къ цесарю Степану Ушакову и дьяку Семому Заборовскому. Послѣдній наказъ напечатанъ въ «Памятникахъ дипломатическихъ сношеній съ римскою имперіею» II, стр. 921 и слѣд. Грамота, отправленная къ англійскому королю съ Зюзинымъ и Витовтовымъ мало имѣетъ отмѣны отъ той, которую послалъ царь Михаилъ Ѳедоровичъ въ 1615 г. съ дворяниномъ Иваномъ Гавриловичемъ Кондыревымъ и подъячимъ Михаиломъ Невѣровымъ къ французскому королю Людовику XIII. Такъ какъ эта послѣдняя также напечатана *), то за тѣмъ не настоитъ особенной надобности повторять бо́льшую часть посольскаго наказа Зюзину и Витовтову, и я ограничусь въ настоящемъ случаѣ указаніемъ подробности изъ этого памятника, которая можетъ быть не безполезна для исторіи той эпохи.

Извѣстно что Борисъ Годуновъ отправилъ въ чужія земли для обученія языкамъ и наукамъ нѣсколькихъ молодыхъ людей изъ русскихъ. Карамзинъ привелъ изъ бумагъ англійскихъ, хранящихся въ московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, отписку воеводъ къ царю изъ Архангельска отъ 1 августа 1602 года, что 30 іюля этого года отправлены въ Англію «для науки разныхъ языковъ и грамотъ»: Микифоръ Олферьевъ сынъ Григорьевъ, Сафонъ Михайловъ сынъ Кожуховъ, Казаринъ Давыдовъ и Ѳедька Костомаровъ **). Въ «Московской Лѣтописи» Мартина Бера упомянуто, что молодые дворяне, посланные въ чужіе краи Бори-

*) Въ первый разъ она издана въ 1717 г. при книгѣ Петра Шафирова «Разсужденіе, какія законныя причины его царское величество Петръ Первый . . . . къ начатію войны противъ короля Карла 12 . . . имѣлъ» . . Потомъ она была перепечатана во II-мъ томѣ «Царствованія Михаила Ѳедоровича», Берха, ч. II стр. 116—159. Въ печатномъ текстѣ, впрочемъ, попадаются промахи въ родѣ того, что князь Григорій Волконскій названъ княземъ Григорьемъ Донскимъ и пр.

**) Исторія госуд. росс., изд. Эйнерлинга, 126 примѣч. къ Т. XI, на стр. 30.

сомъ Годуновымъ, хотя скоро выучились иностраннымъ языкамъ однако не хотѣли возвратиться потомъ въ Россію *). Въ выпискѣ изъ статейной книги англійскаго двора 1621 года значится, что тогда царю Михаилу Ѳедоровичу было «подлинно вѣдомо, что тѣ дѣти боярскіе (Никифоръ Олферьевъ сынъ Григорьевъ да Софонко Кожуховъ съ товарищи четыре человѣка) въ англинской землѣ задержаны неволею, а Никифорко Олферьевъ и вѣры нашея православныя отступилъ и несвѣдомо по какой прелести въ попы сталъ, или буде надъ нимъ учинили то неволею» . . . . Дворянинъ Волынскій да дьядъ Марко Поздѣевъ, посланные въ Англію, просили о выдачѣ тѣхъ молодыхъ людей, но безуспѣшно **). Нынѣ изъ помянутаго наказа видно, что Зюзину и Витовтову также поручено было настаивать, путемъ дипломатическихъ переговоровъ, о возвращеніи въ Россію *пяти* русскихъ; при чемъ давались слѣдующія подробныя наставленія:

«Да память Алексѣю Ивановичу и дьяку Алексѣю: въ прошломъ 111-мъ году, при царѣ и великомъ князѣ Борисѣ Ѳедоровичѣ всеа Русіи посланы изъ московскаго государства въ аглинскую землю для науки латынскому и аглинскому и иныхъ розныхъ нѣмецкихъ государствъ языковъ и грамотѣ — Гриша (sic) Олферьевъ сынъ Григорьевъ съ товарищи пять человѣкъ.

И Алексѣю Ивановичу и дьяку Алексѣю говорити королевскимъ ближнимъ людемъ: въ прошломъ во 111-мъ году, блаженныя памяти при царѣ и великомъ князѣ Борисѣ Ѳедоровичѣ всеа Русіи самодержцѣ, при великой государынѣ вашей славныя памяти при Елисаветѣ королевнѣ, посланы въ аглинское государство великаго государя нашего подданные на время для науки латынскому и аглинскому и нѣмецкимъ языкомъ и грамотѣ учитца Гришка Олферьевъ сынъ Григорьевъ да Ѳетька Семеновъ съ товарыщи пять человѣкъ. И тѣ царского величества подданные, будучи въ наукѣ, тому всему, для чего посланы, и изучены. И нынѣ они царского величества къ посольскому дѣлу надобны. А позадавнѣли они въ аглинскомъ государстѣ по тому, что въ московскомъ государствѣ по грѣхомъ отъ злыхъ людей была смута и нестроенье; а нынѣ, по милости божіей, и великаго государя нашего царского величества доброопаснымъ, премудрымъ разумомъ и счастьемъ и милостивымъ призрѣньемъ

*) Сказанія современниковъ о Димитріи Самозванцѣ, изд. г. Устрялова, Спб. 1831 г., I, 13.

**) «Царствованіе царя Михаила Ѳеодоровича» В. Берха, часть II, стр. 228.

ко всѣмъ его царского величества подданнымъ, московское государство строитца и вся добрая дѣетца. И они королевсково величества думные люди тѣхъ царского величества подданныхъ, которые въ аглинскомъ государствѣ жили для науки, отдалибъ всѣхъ ему, царского величества послу Алексѣю Ивановичу да дьяку Алексѣю Витовтову, а они ихъ возмутъ съ собою и поставятъ предъ царскимъ величествомъ. Да какъ королевскіе думные люди Гришу Олферьева съ товарыщи имъ дадутъ, и Алексѣю Ивановичу и дьяку Алексѣю взяти ихъ къ себѣ и велѣти имъ у себя быти и взяти ихъ съ собою къ государю къ Москвѣ.

А будетъ королевскіе думные люди тѣхъ государевыхъ людей Гриши Олферьева съ товарыщи отдати не похотятъ и скажутъ про котораго, что умеръ или самъ своею охотою поѣхалъ куды для науки зъ гостьми въ которыя дальныя государства, и того имъ невѣдомо, если онъ живъ или нѣтъ, а хотя и живъ и его ждати долго.

И Алексѣю Ивановичу и дьяку Алексѣю говорити: чтобъ они дали имъ тѣхъ, которые нынѣ здѣся въ аглинской землѣ. А будетъ которово судомъ божіимъ не стало—и въ томъ воля божья; а которые въ отъѣздѣ въ дальнемъ государствѣ, и имъ для царскаго величества промышляти о томъ: въ то государство, гдѣ которой посланъ, отписати, чтобъ его оттолѣ вскорѣ взяти, и всѣхъ ихъ, сыскавъ которые живы, имъ отдати. А царскому величеству тѣхъ подданныхъ отцы и матери безъ престани съ великою докукою объ нихъ бьютъ челомъ, чтобъ царское величество ихъ пожаловалъ велѣлъ ихъ изъ аглинскія земли взяти къ Москвѣ, чтобъ они, будучи долгое время въ чужихъ государствахъ вѣры крестьянскія греческаго закона не отбыли и съ ними ся не разлучили. И царскаго величества имъ объ нихъ приказъ имянной, что велѣно имъ взяти и привести къ Москвѣ. И мы вамъ о тѣхъ царского величества подданныхъ говоримъ по приказу государя своего, и вамъ бы, ихъ однолично сыскавъ, всѣхъ намъ отдати.

И будетъ королевскіе думные люди учнутъ говорити, что они тѣхъ царского величества подданныхъ безъ королевского вѣдома отдати не смѣютъ, потому что они здѣся задавнѣли, и они и сами отсюды ни которой не хочетъ въ московское государство, потому что извыкли всякимъ обычеемъ здѣшнимъ; а иной изъ нихъ служитъ при королевскомъ дворѣ или у котораго великаго человѣка. И коли они сами не хотятъ, и ихъ какъ неволить и въ неволю отдавати? А хотя ихъ нынѣ въ неволю отдати, а впередъ ихъ не

удержати. И Алексѣю Ивановичу и дьяку Алексѣю говорити думнымъ людямъ: тѣ царского величества подданные природные московскаго государства, а не иноземцы и вѣры крестьянскія греческаго закону; и отцы, и матери и братья у всѣхъ живы; а при царѣ Борисѣ посланы они для науки, а даны были всѣ на руки государя нашего аглинскому имянитому гостю Ивану Ульянову *). А какъ и почела быти прежнимъ великимъ государемъ нашимъ славныя памяти зъ государынею съ Елисаветъ королевною и съ нынѣшнимъ государемъ вашимъ братственная любовь и крѣпкая дружба и соединенье, и съ тѣхъ мѣстъ и по ся мѣстъ съ аглинскими гостьми малые робята для науки русскому языку и грамотѣ бывали и задержанья имъ и причины объ нихъ никакія не было: живутъ въ наукѣ лѣтъ по шти и по десяти и пріѣзжаютъ и отъѣзжаютъ по волѣ. А королевское величество государя нашего подданныхъ держати не похочетъ, чаю у королевсково величества и природныхъ его подданныхъ, которые русской грамотѣ и языку многіе умѣютъ. А что они говорятъ, будто тѣ робята въ московское государство отъ нихъ изъ аглинскія земли не хотятъ, и тому нечему вѣрить, да и не статочное то дѣло, какъ имъ православныя крестьянскія вѣры греческаго закона отбыти и природново государства и государя своего, и отцовъ своихъ и матерей, и роду своего и племени забыти—о томъ имъ, разумнымъ людемъ и честнымъ, говорити не пригоже. И говорити Алексѣю Ивановичу и дьяку Алексѣю о тѣхъ государевыхъ людѣхъ всякими мѣрами на-крѣпко, чтобъ ихъ всѣхъ которые малыми . . . притча . . . не была . . . пли въ отъѣздѣ. Да дьяку Алексѣю про нихъ, толмачей, и . . отъ тово кому что и да . . вѣдать таки . . **) которой умеръ и сколь давно и о кою пору и гдѣ положили. Или которой въ отъѣздѣ, въ которое государство, и съ кѣмъ, и сколь давно и для чего поѣхалъ, и есть ли про него слухъ, что онъ живъ, и какъ чаяти будетъ и на время ль туды поѣхалъ или на житье? И нѣтъ-ли изъ нихъ кого при королевскомъ дворѣ или у кого у великаго человѣка. А провѣдавъ про то подлинно, по тому объ нихъ зъ думными людьми и говорити . . . Государевыхъ и учнутъ ма-

*) Иваномъ Ульяновымъ въ оффиціальныхъ бумагахъ того времени называли у насъ Джона Мерика, по всей вѣроятности, члена англійской факторіи въ Москвѣ. Онъ извѣстенъ письмомъ, въ которомъ описаны кончина царя Ѳедора Ивановича и возшествіе на престолъ Бориса Годунова. См. Kritisch-literärische Übersicht der Reisenden in Russland von Fr. Adelung, I, 477.

**) Противъ этихъ словъ въ рукописи на полѣ замѣчено: «несправчиво на сей строкѣ, потому что въ подлинныхъ мѣстѣхъ краи выдраны въ списку въ наказу».

нить . . съѣхались изъ аглин . . подданнымъ государствамъ . . . а они про нихъ не вѣда . . . въ аглинской землѣ . . . *). И Алексѣю Ивановичу и дьяку Алексѣю о тѣхъ государевыхъ . . . королю самому какъ велитъ быти посольству . . . однолично имъ о тѣхъ государевыхъ людѣхъ королю и его ближнимъ людемъ говорити. А и Ивану Ульянову говорити, чтобъ онъ тѣмъ промышлялъ для себя, потому что даны были для науки ему на руки, чтобъ однолично тѣхъ, которые живы здѣся, тѣхъ бы имъ отдали, а которые въ отъѣздѣ, то тѣхъ бы послали или отписали, чтобъ ѣхали въ Лундунъ.

Мартъ, апрѣль и май 1867 года.

Академикъ Срезневскій, намѣреваясь представить печатно объясненія о нѣкоторыхъ особенностяхъ принятаго имъ правописанія, счелъ нужнымъ предварительно обратить вниманіе на судьбы русскаго правописанія въ прошедшіе вѣка. Въ первой статьѣ своей, читанной объ этомъ предметѣ въ Отдѣленіи, И. И. Срезневскій обозначилъ главныя черты древняго русскаго правописанія, какъ оно образовывалось въ XI—XII вѣкахъ и показалъ его видоизмѣненія: а) въ долгій періодъ господства рукописей, и б) въ послѣдовавшій за нимъ періодъ печатанія книгъ исключительно церковными буквами, когда образовались первичныя основанія и привычки новаго правописанія.

Тотъ же академикъ представилъ обозрѣніе древнихъ старославянскихъ памятниковъ юго-западнаго юсоваго письма. Это обозрѣніе, составляющее передовую статью къ сборнику бо̀льшею частію неизвѣстныхъ памятниковъ такого письма, кромѣ ближайшаго ознакомленія съ ними, представляетъ данныя, на основаніи которыхъ надобно полагать, что и въ этихъ памятникахъ, рѣзко отличающихся не только отъ русскихъ, но и отъ сербскихъ и хорватскихъ, нельзя искать того чистаго старославянскаго языка, для котораго создана азбука, и что въ нихъ виднѣется особое мѣстное нарѣчіе, также какъ и въ русскихъ русское или въ сербскихъ сербское **).

*) Противъ этихъ словъ на полѣ отмѣчено: «не справчиво потому жъ, что въ списку съ наказу выдрано въ тетрадѣхъ».

**) Въ сборникъ памятниковъ этого отдѣла вошли слѣдующіе памятники XI вѣка: 1) Саввина книга; 2) листки изъ слуцкой псалтыри; 3) новгородскіе листки; 4) отрывки изъ супрасльской четіи-минеи; 5) хиландарскіе листки; 6)

Академикъ Срезневскій, сообщивъ доставленныя для академической библіотеки отъ художника Д. М. Струкова «Древности Россійскаго Государства. Дополненіе къ 3-му отдѣленію: Русскія старинныя знамена»,— заявилъ притомъ, что этотъ трудолюбивый художникъ занимался не только тщательною перерисовкою царскихъ знаменъ Оружейной Палаты, но и возстановленіемъ ихъ, требовавшимъ много труда, ловкости и смѣтливости.

11 мая 1867 года, послѣ богослуженія въ Исаакіевскомъ соборѣ, въ память знаменитыхъ первоучителей, преподобныхъ Кирилла и Меѳодія, славянскіе гости посѣтили Академію Наукъ. Такъ-какъ о прибытіи ихъ заранѣе было извѣстно Отдѣленію русскаго языка и словесности, которое въ этотъ день должно было имѣть свое очередное засѣданіе, то Отдѣленіе опредѣлило собраться позже обыкновеннаго, въ часъ пополудни.

Засѣданіе открылъ академикъ Гротъ, объяснивъ въ немногихъ словахъ значеніе собранія.

Затѣмъ академикъ Срезневскій, по поводу празднованія въ этотъ день памяти св. Кирилла и Меѳодія, доложилъ о вскрытіи имъ глаголическаго письма въ палимпсестѣ, вывезенномъ изъ Синая и доставленномъ изъ Императорской Публичной Библіотеки А. Ѳ. Бычковымъ. Этотъ остатокъ глаголицы представляетъ своего рода новость въ глаголической древней письменности — частію и по начертанію буквъ, еще болѣе по содержанію. Въ отношеніи къ содержанію, на сколько удалось вскрыть, памятникъ этотъ представилъ части каноновъ изъ служебной минеи. Между прочимъ, ясно видны слова: конѣ и въсадника — начало пѣсни ветхозавѣтной, прилагаемой обыкновенно и къ псалтыри, и повторяемой нѣкоторыми выраженіями въ канонахъ минеи. Такимъ образомъ, къ богослужебнымъ древнимъ глаголическимъ книгамъ прибавляется еще одинъ отдѣлъ: недавно еще извѣстенъ былъ только одинъ — книга евангельскихъ чтеній; позже открыты свѣтильни и часть

македонскій листокъ; 7) евангельскіе листки Ундольскаго; выписки изъ памятниковъ въ XII—XIV вѣкахъ: 1) изъ евангельскихъ листковъ археологическаго общества; 2) изъ монауйловской книги апостольскихъ чтеній; 3) изъ стаматовскаго четвероевангелія; 4) изъ болонской псалтыри; 5) изъ погодинской псалтыри; 6) изъ норовской псалтыри; 7) изъ минеи служебной В. И Григоровича; 8) изъ минейнаго листка, его же; 9) изъ норовскаго стихираря; 10) изъ парижскаго стихираря; 11) изъ паремейника Григоровича; 12) изъ паремейника Лобкова; 13) изъ устава Жеравинскаго; 14) изъ сборника Севастьянова; 15) запись 1277 года. Все это уже отпечатано; обозрѣніе печатается.

цвѣтной тріоди; еще позже—литургія; наконецъ, открываются службы въ память святымъ.

Послѣ того И. И. Срезневскій заявилъ о вновь вышедшихъ западно-славянскихъ и русскихъ книгахъ, заслуживающихъ вниманіе Отдѣленія: Д-ра *Ф Цейновы*, «Skôrb Kaszébskosłovjaskjè mòvé»,— д-ра *К. Пфуля*, «Laut- und Formenlehre der oberlausitzisch-wendischen Sprache»,— *К. Я. Эрбена*, «Лѣтопись Нестора въ чешскомъ переводѣ»,— *В. Дювернуа*, «Объ историческомъ наслоеніи въ славянскомъ словообразованіи», — свящ. *М. Морошкина*, «Славянскій именословъ»,—*В. Макушева*, «Задунайскіе и адріатическіе славяне». Кромѣ того онъ сообщилъ свѣдѣнія о новомъ переработанномъ изданіи важнаго труда *А. Б. Шлейхера*, «Compendium der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen».

Г. Срезневскій представилъ членамъ только-что отпечатанный особою книгою свой трудъ: «Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ». Въ сорока статьяхъ этой книги, выходившихъ постепенно въ Запискахъ Академіи, заключаются извѣстія и изслѣдованія о памятникахъ IX—XVI вѣковъ болѣе или менѣе неизвѣстныхъ или неизслѣдованныхъ, и изданы нѣкоторые изъ памятниковъ *).

Академикъ Гротъ доложилъ, что по особенно благопріятному для него случаю онъ можетъ въ это памятное Отдѣленію засѣданіе представить только что вышедшій изъ типографіи экземпляръ IV тома «Сочиненій Державина». Упомянувъ о ходѣ этого критическаго изданія, предпринятаго по порученію Отдѣленія и начавшаго появляться съ 1864 года, академикъ объяснилъ, что въ настоящемъ томѣ, который, подобно предъидущимъ, обработанъ по рукописямъ, помѣщены драматическія сочиненія Державина и въ томъ числѣ шесть неизвѣстныхъ доселѣ пьесъ. Дѣятельность Дер-

*) Изданы въ этой книгѣ слѣдующіе памятники: «Написаніе о вѣрѣ Константина философа, поученіе еп. Климента, похвала Кириллу философу еп. Климента,—отрывки изъ двухъ книгъ евангельскихъ чтеній XI вѣка, служба св. Константину философу по 8-ми спискамъ XI—XIV в., Поученіе, приписываемое Ѳеодосію Печерскому, — отрывки изъ Златоструя, Торжественники, книга поученій Ефрема Сирина русскаго письма XII вѣка», «Запись сербская XII вѣка»,—Поученіе Зарубскаго черноризца XIII вѣка, Русскія Записи 1234, до 1270 г., 1288 и 1296 гг. при книгахъ и на камнѣ,—Русскія Записи 1377 года, 1396—1412, 1395 и до 1400, Сказаніе о взятіи и разореніи Рязани, Гадальныя замѣтки при псалтыри XIV вѣка,—Двинская рядная XIV—XV в., Русскія Записи 1414 и 1474 г.,— Грамота городу Ковну 1463 г.,— Покровъ съ гробницы князей Ярославскихъ 1501 г.», выписаны изъ сборниковъ XVI в.

жавина въ области драматической поэзіи началась еще въ прошломъ столѣтіи; но особенно онъ посвящалъ ей себя въ послѣднія десять лѣтъ своей жизни. Кромѣ авторскаго честолюбія, имъ руководило при этомъ желаніе дѣйствовать посредствомъ сцены на общество; важнѣйшимъ же для того средствомъ считалъ онъ оперу. Каково бы ни было художественное достоинство драматическихъ его сочиненій, въ нихъ заключается несомнѣнный историческій интересъ не только по связи ихъ съ другими литературными явленіями эпохи, по ихъ значенію для полной характеристики Державина, но и по встрѣчающимся здѣсь, какъ и въ прочихъ его произведеніяхъ, примѣненіямъ къ современнымъ обстоятельствамъ. Кромѣ того, однѣ изъ его театральныхъ пьесъ представляютъ мѣста, проникнутыя лирическимъ одушевленіемъ, въ другихъ отражается замѣчательное знакомство съ русскими нравами, съ бытомъ разныхъ состояній и народнымъ языкомъ. Въ концѣ приготовленнаго нынѣ тома помѣщенъ подробный *указатель* къ первымъ четыремъ томамъ изданія.

Вмѣстѣ съ дѣйствительными членами 2-го Отдѣленія Академіи участвовали въ этомъ засѣданіи члены-корреспонденты: Д. В. Полѣновъ и пріѣхавшій изъ Харькова профессоръ П. А. Лавровскій. По просьбѣ Отдѣленія въ средѣ его помѣстились также корреспонденты Академіи Палацкій и Эрбенъ. По окончаніи засѣданія, Отдѣленіе просило ихъ принять, въ память этого дня, по экземпляру нѣкоторыхъ изъ своихъ изданій.

Принесеніе въ даръ Академіи Наукъ отъ члена-корреспондента ея, Яромира Ивановича Ербена, изданнаго имъ сборника «Slovanská Čitanka», дало поводъ И. И. Срезневскому обратить вниманіе отдѣленія на труды этого ученаго, бывшаго также въ Россіи съ другими славянскими гостями. Его Regesta diplomatica nec non epistolaria Bohemiae et Moraviae annorum 600 — 1253 есть плодъ долговременныхъ и тщательныхъ изслѣдованій, важныхъ въ историческомъ и филологическомъ отношеніяхъ. Изданія Ербена народныхъ чешскихъ пѣсень, а также древнихъ и старинныхъ памятниковъ чешской словесности (сочиненія Ѳомы Штитнаго, житіе св. Катерины и собраніе сочиненій Яна Гуса), важны по богатству матеріала и замѣчательны своею критическою основательностью. Книга его «Slovanská Čitanka» имѣетъ значеніе для славянъ, какъ сборникъ сказокъ всѣхъ славянскихъ народовъ въ подлинникѣ съ объяснительнымъ словаремъ. Новый трудъ Ербена, только-что отпечатанный, но еще не выданный въ свѣтъ «Лѣто-

пись Несторова» въ чешскомъ переводѣ съ объясненіями, не менѣе замѣчателенъ по тщательности работы и художественности передачи на чешскомъ языкѣ древняго языка русскаго лѣтописца. Г. Срезневскій закончилъ свой очеркъ дѣятельности Я. И. Ербена слѣдующими словами: «Свидѣтельствовать о заслугахъ Ербена, уже признанныхъ нашею Академіею Наукъ, тѣмъ болѣе пріятно, что въ немъ съ умомъ, ученостью и дѣятельностью нельзя не чтить благородной чистоты души, привлекающей къ себѣ насъ, русскихъ, съ полною довѣренностью».

Отдѣленіе постановило выразить искреннюю признательность доктору И. И. Шафарику, который, въ пріѣздъ свой въ Петербургъ съ другими славянскими гостями, сообщилъ И. И. Срезневскому новонайденный памятникъ юго-западнаго письма. По отзыву академика Срезневскаго, рукопись принадлежитъ къ драгоцѣннымъ остаткамъ письменности XII вѣка и замѣчательна какъ въ палеографическомъ отношеніи, такъ и по содержанію своему. На 136, не вполнѣ уцѣлѣвшихъ листахъ этого памятника, писаннаго въ бол. 4-ю долю по греческому палимпсесту, вѣроятно, X—XI вѣка, помѣщена значительная часть книги Апостольскихъ Чтеній въ обыкновенномъ церковномъ ихъ порядкѣ (по днямъ пасхальнаго круга и потомъ по днямъ мѣсяцевъ) того же древняго перевода какъ и въ Толковомъ Апостолѣ 1220 г., но съ нѣкоторыми отклоненіями, заставляющими думать, что разсматриваемый списокъ хотя и древнѣйшій изъ доселѣ открытыхъ, однако исправленный противъ первоначальнаго перевода. Такъ въ немъ попадаются замѣны славянскими словами нѣкоторыхъ греческихъ, оставленныхъ въ другихъ древнихъ спискахъ (напр. вмѣсто катапетазма, сканъдалъ, педагогъ, фиси—опона, съблазнъ, казатель, родъ и пр.). Въ палеографическомъ отношеніи этотъ памятникъ любопытенъ по особенностямъ правописанія значительной части его, изъ которыхъ самая рѣзкая есть постоянное написаніе буквы ю на выворотъ противъ обыкновеннаго, т. е. оı, что̀ въ другихъ памятникахъ встрѣчается рѣдко, какъ бы случайно. И. И. Шафарикъ познакомилъ г. Срезневскаго съ частію своихъ работъ объ этомъ памятникѣ и обѣщалъ доставить осенью нынѣшняго года не только изслѣдованіе о немъ, но и самый подлинникъ.

Академикъ Срезневскій читалъ статью свою, написанную имъ по поводу помѣщенныхъ въ англійскомъ журналѣ «The Reader» очерковъ русской литературы, появленіе которыхъ не можетъ не интересовать русскихъ, потому что иностранцы вообще мало зна-

ютъ и часто превратно понимаютъ нашу внутреннюю жизнь. Въ напечатанныхъ донынѣ трехъ очеркахъ излагается литературная дѣятельность Кантемира, Ломоносова и Екатерины II. Изъ выводовъ г. Срезневскаго оказывается, что статья англійскаго писателя о послѣдней есть наиболѣе удачная, по своей полнотѣ и законченности. Кантемиру онъ отдаетъ преимущество предъ Ломоносовымъ, что̀ рецензентъ приписываетъ недостаточному изученію произведеній этого писателя. Въ заключеніе же обращено вниманіе на вѣрность и сохраненіе оригинальности подлинника всѣхъ переводовъ изъ названныхъ писателей. Статья г. Срезневскаго помѣщена ниже въ приложеніи..

Академикъ Пекарскій занимается изданіемъ въ свѣтъ своего изслѣдованія: «Жизнь и литературная переписка Рычкова» (нынѣ отпечатано 8 листовъ); кромѣ того, продолжаетъ работы въ академическомъ архивѣ. Представленныя имъ оттуда выписки въ значительной мѣрѣ дополняютъ между прочимъ, матеріалы для опредѣленія ученой и литературной дѣятельности Татищева, Тредіаковскаго, Ломоносова и разныхъ второстепенныхъ русскихъ писателей XVIII столѣтія, какъ-то: Козицкого, В. Лукина, Баркова и др. Въ изданныхъ, по порученію Академіи Наукъ, въ прошломъ году, «Письмахъ Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитріеву» (стр. 205), первый, между прочимъ, упоминаетъ о письмѣ своемъ къ Императору Александру Павловичу съ ходатайствомъ за Рябинина. П. П. Пекарскій довелъ до свѣдѣнія отдѣленія, что это письмо хранится въ государственномъ архивѣ, и представилъ вѣрную съ него копію. Оно здѣсь помѣщается:

«Всемилостивѣйшій Государь!

«Историографъ, счастливый нѣкоторыми лестными знаками Вашего къ нему вниманія, всеподданнѣйше проситъ Васъ оказать милость одному изъ Вашихъ добрыхъ и честныхъ подданныхъ. Приложенная записка объясняетъ дѣло. Связь моя съ симъ оскорбленнымъ человѣкомъ состоитъ въ томъ, что жены наши вмѣстѣ росли и любятъ другъ друга, какъ сестры родныя.

Исполняя долгъ, для меня священный, повергаю себя къ Вашимъ стопамъ съ довѣренностію и любовію.

Всемилостивѣйшій Государь!

Вашего Императорскаго Величества

вѣрноподданный

Николай Карамзинъ.

13 января 1817 года.

Къ письму приложена записка, писанная вся рукою А. Рябинина, бывшаго управляющаго московскимъ отдѣленіемъ банка. Здѣсь приведены оправданія его въ томъ, что онъ не подлежитъ отвѣтственности за открытую въ томъ отдѣленіи въ 1806 году растрату 106,245 рублей. Рябининъ, опровергая представленія по этому дѣлу дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Валуева, проситъ уничтожить прежнее рѣшеніе о неопредѣленіи его ни къ какимъ мѣстамъ и причислить его къ герольдіи.

Академикъ Пекарскій обратилъ вниманіе отдѣленія на старинное собраніе рукописныхъ картъ оренбургскаго края. Оно составлено было трудами прапорщика Красильникова и его товарищей геодезистовъ въ Оренбургѣ около 1752 года, а въ 1755 году препровождено въ Академію Наукъ Рычковымъ, который предполагалъ свою «Оренбургскую Топографію» издать въ видѣ объяснительнаго текста къ этимъ картамъ. Безъ сомнѣнія, позднѣйшія карты болѣе исправны, чѣмъ составленныя въ 1752 году, но зато не могутъ дать понятія о прежнемъ оренбургскомъ краѣ, быстро измѣнявшемся и утрачивавшемъ свой первоначальный видъ вслѣдствіе сильнаго прилива въ него переселенцевъ изъ разныхъ концевъ Россіи и стѣсненія отъ того первобытныхъ обитателей края. Карты Красильникова замѣчательны также по своей обстоятельности: тамъ занесены всѣ самыя незначительныя населенныя мѣста. Съ помощію ихъ разрѣшается, напримѣръ, сомнѣніе о селѣ Михайловкѣ, принадлежавшемъ отцу исторіографа Карамзина. Одинъ изъ близкихъ его родственниковъ отвергалъ извѣстіе, что Николай Михайловичъ родился въ этомъ селеніи, на томъ лишь основаніи, что оно не существовало въ 1765 г., когда родился Карамзинъ. Впослѣдствіи открылось, что имѣніе отца его уже было въ Оренбургской губерніи, въ 1773 году вблизи селеній Ляхова и Путиловой («Письма Карамзина къ Дмитріеву», стр. 453, 454). Карта Красильникова, составленная болѣе чѣмъ за десять лѣтъ до рожденія исторіографа и представляющая большую московскую дорогу отъ Оренбурга до Кичуевскаго фельдшанца, удостовѣряетъ, что деревня Карамзина существовала до 1752 года въ нынѣшнемъ Бузулукскомъ уѣздѣ, рядомъ съ деревнями Путиловой и Ляховымъ. По просьбѣ отдѣленія, академикъ Д. М. Перевощиковъ доставилъ нынѣ описаніе помянутыхъ картъ, за что отдѣленіе обязанностью считаетъ выразить ему глубочайшую свою признательность.

Академикъ Бычковъ читалъ записку о нѣкоторыхъ рукописяхъ съ подлинными и подправленными приписками Салакадзева.

Сверхъ того, подъ непосредственнымъ надзоромъ и редакціею этого академика, продолжается печатаніе издаваемаго насчетъ отдѣленія Бѣлорусскаго Словаря г. Носовича, котораго по наступающій іюнь мѣсяцъ отпечатано 25 листовъ.

АНГЛІЙСКІЕ ОЧЕРКИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Въ послѣднихъ номерахъ извѣстнаго Англійскаго журнала The Reader (Читатель) появились одна за другою три статьи подъ общимъ заглавіемъ Studies in modern Russian literature, Очерки новой русской литературы.

Такое явленіе, какъ обзоръ русской литературы на иностранномъ языкѣ, не можетъ не интересовать насъ, Русскихъ. Насъ и нашу внутреннюю жизнь вообще такъ мало знаютъ и такъ превратно понимаютъ иностранцы, что всякая попытка дать имъ новыя вѣрныя свѣденія объ Россіи должна быть пріятна нашему самолюбію. Особенно же пріятно, если эти новыя и болѣе вѣрныя свѣдѣнія сообщаются имъ иностранцами же: это значитъ, что есть люди, изучающіе нашу родину, а во вторыхъ видящіе ложность всеобщаго понятія объ ней и признающіе необходимость его исправить. Впрочемъ при этомъ случаѣ невольно рождается вопросъ: да знаетъ ли самъ Россію тотъ, кто берется за это дѣло? Понимаетъ ли онъ, любитъ ли ее? потому что по мнѣнію одного современнаго англійскаго писателя *), только тогда можно совершенно понять и проникнуть предметъ, когда смотришь на него съ сочувствіемъ. Этотъ вопросъ естественно предлагаемъ мы себѣ и глядя на статьи, напечатанныя въ «The Reader». Сколько изъ нихъ видно, ихъ авторъ соединяетъ въ себѣ то, что необходимо для всякаго, занимающагося чѣмъ бы то ни было: въ немъ есть любовь къ дѣлу, знанія и здравый безпристрастный взглядъ. Правда, что знанія его по Русской исторіи и литературѣ не такія, какія мы потребовали бы отъ одинаково образованнаго Русскаго; въ слѣдствіе этого и сужденія его иногда не совсѣмъ справедливы, какъ мы увидимъ изъ разбора его статьи о Ломоносовѣ; но все-таки и то, что есть,

*) Карлейль.

уже много. Притомъ же авторъ такъ хорошо знаетъ русскій языкъ, не только современный, но и языкъ прошедшаго столѣтія (что̀ показываютъ его переводы отрывковъ изъ Ломоносова и Кантемира), что ему ничего не будетъ стоить пріобрѣсть то, чего ему не достаетъ; а намъ можно будетъ порадоваться, что соотечественники его познакомятся съ тѣмъ, чѣмъ мы по справедливости гордимся, и узнаютъ имена Ломоносова, Карамзина, Пушкина и т. д.

Какъ видно изъ выноски подъ одною изъ статей, эти три очерка не останутся одинокими. Два Англичанина согласились написать сообща краткій, но по возможности полный курсъ русской литературы. Одинъ изъ нихъ, Г. Мерилизъ, взялъ на себя періодъ до-ломоносовскій и также всѣ переводы въ стихахъ. Другой, имя котораго не подписано, взялся за новый періодъ. Ему-то принадлежатъ и вышеупомянутыя статьи, которыя составляютъ начало его труда. Въ первой статьѣ онъ говоритъ о Ломоносовѣ, во второй о Кантемирѣ, въ третьей объ Екатеринѣ II. Хотя по заглавіямъ онѣ могутъ казаться отдѣльными очерками, однако онѣ тѣсно соединены между собою и каждая служитъ продолженіемъ предыдущей.

Въ началѣ, въ видѣ вступленія, авторъ обрисовываетъ нѣсколькими словами состояніе общества XVII столѣтія въ Россіи, реформы Петра Великаго, двоякое дѣйствіе, произведенное ими, и даетъ общее понятіе о направленіи литературы того времени.

«Тѣ писатели, говоритъ онъ, которые воспитались подъ вліяніемъ европейской мысли, естественно заимствовали и слогъ и содержаніе изъ иностранныхъ источниковъ и усвоили себѣ риторическую форму, употреблявшуюся тогда во Франціи. Кромѣ языка, которымъ написаны ихъ произведенія, въ нихъ нѣтъ почти ничего русскаго. Совершенно противоположное видимъ мы въ другой школѣ писателей. Эти, досадуя на препятствія, которыя развитіе народа находило въ партіи приверженцевъ старины, изливали свое неудовольствіе въ сатирахъ и находили для того богатый матерьялъ въ описаніи русской жизни. Всѣ писатели того времени принадлежатъ или къ той или къ другой изъ этихъ двухъ школъ. Первая была основана Ломоносовымъ, вторая Кантемиромъ.

Чтобы рѣзче выяснить разницу между этими двумя направленіями, авторъ сравниваетъ ихъ двухъ представителей.

«Ломоносовъ, крестьянинъ по происхожденію и раскольникъ (?) по религіи, никогда не могъ освободиться отъ предразсудковъ своего сословія и своего вѣка. Его поэзія, ученая какъ его занятія, есть совершенное подражаніе лжеклассической французской поэзіи

и болѣе замѣчательна по своей реторической формѣ, чѣмъ по естественности и правдѣ. Кантемиръ, напротивъ того, былъ сохраненъ своимъ иностраннымъ происхожденіемъ и своими аристократическими связями отъ тѣхъ вліяній, которыя сковывали и задерживали его современника. Самъ живя по среди той высшей образованности, о которой Ломоносовъ зналъ по большей части только изъ книгъ, онъ естественно получилъ непримиримую ненависть къ неразвитости, порочности и жестокости, которыя господствовали во всей Имперіи, и неменѣе естественно сталъ выражать свое презрѣніе сатирою. Въ сочиненіяхъ Ломоносова мы видимъ стремленіе къ знанію и къ учености; въ произведеніяхъ Кантемира—презрѣніе къ невѣжеству и нравственной испорченности. Одинъ нападаетъ на то, что ниже его, другой восхваляетъ то, что выше его и принимаетъ за образецъ лучшую литературную форму, какая была ему извѣстна».

Судя по этимъ словамъ авторъ Очерковъ считаетъ Ломоносова не болѣе какъ ученикомъ, даровитымъ правда, трудолюбивымъ, стремящимся къ знанію, но все таки не самостоятельнымъ, находящимся подъ чужимъ вліяніемъ; старающимся сравняться съ своими учителями и пробующимъ подражать имъ; между тѣмъ какъ Кантемиръ представляется ему человѣкомъ, который своимъ умомъ и образованіемъ поднялся высоко надъ общимъ уровнемъ, стоитъ независимо и свободно, и презрительнымъ взглядомъ окидываетъ то, что осталось подъ его ногами. Едва ли кто нибудь изъ читавшихъ и изучавшихъ Ломоносова можетъ согласиться съ этимъ сужденіемъ. Однако посмотримъ дальше.

При обзорѣ одъ Ломоносова, которыя авторъ считаетъ написанными механически и безъ всякаго чувства, онъ останавливается на одѣ на взятіе Хитина, на посланіи о пользѣ стекла и болѣе всего на одѣ на восшествіе на престолъ Екатерины II, изъ которой онъ даже приводитъ отрывокъ. Къ сожалѣнію, ни одного слова не сказано имъ о знаменитыхъ утреннемъ и вечернемъ размышленіяхъ, ни объ одѣ въ подражаніе Іову. Жалко, что онъ ихъ не замѣтилъ, вѣрно не нашелъ бы ихъ написанными механическими и безъ всякаго чувства; тогда понятіе его о Ломоносовѣ—поэтѣ было бы полнѣе и отзывъ справедливѣе. Даже, можетъ быть, лучше было бы и для автора и для его читателей, если бы онъ вовсе не упоминалъ о трагедіяхъ и эпической поэмѣ Ломоносова, которымъ онъ также посвящаетъ нѣсколько строкъ, а побольше остано-

вился на его лирическихъ произведеніяхъ: для того, кому нѣтъ возможоости знать все, лучше знать лучшее, чѣмъ худшее.

Говоря объ ученыхъ сочиненіяхъ Ломоносова, авторъ останавливается на его статьѣ о землѣ и ея происхожденіи. Это произведеніе, говоритъ онъ, замѣчательно, если не изложеніемъ какихъ нибудь новыхъ истинъ, то открытой и безстрашной защитой важности науки. Здѣсь Ломоносовъ смѣло возстаетъ противъ невѣждъ, которые боялись разоблаченія ихъ суевѣрныхъ понятій, и противъ богослововъ, которые считали новѣйшія открытія астрономіи вредными для религіи. Приведя небольшой отрывокъ изъ этого сочиненія, авторъ заканчиваетъ свою статью слѣдующими словами: «Вліяніе Ломоносова какъ поэта на русскую литературу было велико; но можетъ быть самое большое значеніе имѣлъ онъ какъ ученый. Мы не признаемъ въ немъ, какъ его современники, «орла, парящаго въ облакахъ»; но заслугу его въ отношеніи къ языку трудно преувеличить. Многое, что въ русскомъ языкѣ было шероховатаго и грубаго, исчезло при Ломоносовѣ. Небывалая до тѣхъ поръ легкость и обработанность явилась въ стихѣ.»

Кантемиру посвящаетъ авторъ вторую статью своихъ Очерковъ. Онъ подробно разсматриваетъ всѣ его девять сатиръ и почти изъ каждой приводитъ отрывки въ прекрасномъ переводѣ на англійскій языкъ. По всему видно, что онъ не по наслышкѣ знаетъ этого писателя и не кое-какъ, а самъ внимательно и съ любовью читалъ и изучалъ его. Но при сравненіи этихъ двухъ отзывовъ его: о Ломоносовѣ и о Кантемирѣ невольно приходитъ на мысль слѣдующее: какъ это, объ однѣхъ девяти сатирахъ Кантемира сказано больше, чѣмъ о всей обширной и многосторонней дѣятельности Ломоносова? Отъ чего такъ подробно разбирается каждое стихотвореніе Кантемира, между тѣмъ какъ произведенія Ломоносова очерчены только вскользь? Неужели въ этихъ девяти сатирахъ, разборомъ которыхъ наполнена вся вторая статья, авторъ нашелъ больше поэтическихъ красотъ? Неужели въ нихъ — почти единственномъ выраженіи мысли и дѣятельности Кантемира,—видитъ онъ больше значенія и для современной и для послѣдующей литературы, чѣмъ въ трудахъ Ломоносова? Сужденіе свое онъ основываетъ на мысли прекрасной, на требованіи справедливомъ—онъ прежде всего ищетъ у писателя національности; но почему же находитъ онъ больше національности у Кантемира чѣмъ у Ломоносова? Вотъ, что онъ говоритъ объ этомъ: «Истинная заслуга этихъ сатиръ состоитъ въ ихъ историческомъ значеніи. Онѣ совершенно

народны и представляютъ картину русскихъ нравовъ, современныхъ ихъ написанію. Въ формѣ Кантемиръ часто подражаетъ Горацію и Буало, которыхъ въ одномъ мѣстѣ называетъ своими учителями. Но, какъ было замѣчено выше, подъ этой формой есть что-то совершенно русское. Между тѣмъ какъ сочиненія Ломоносова и по содержанію, и по слогу принадлежатъ къ произведеніямъ классицизма, въ стихотвореніяхъ Кантемира есть оригинальность мысли, соединенная съ неменѣе строгимъ исполненіемъ правилъ классической школы. Въ этой-то оригинальности и состоитъ ихъ истинно значеніе.»

Мнѣ кажется, что этотъ странный выводъ нельзя объяснить ни пристрастіемъ: съ какой стати быть пристрастнымъ человѣку чужому? ни ошибкою,—потому что нельзя ошибиться въ характерѣ и значеніи Ломоносова тому, кто его хорошо знаетъ; а развѣ только однимъ тѣмъ, что авторъ недостаточно изучилъ перваго русскаго писателя, въ полномъ значеніи этого слова. Кантемира онъ читалъ много и внимательно, изъ Ломоносова же вѣрно зналъ только то, что помѣщается въ обыкновенныхъ христоматіяхъ. Отъ неравномѣрнаго знанія вышло и неравно справедливое сужденіе. Иначе можно ли было бы сказать, что въ сочиненіяхъ Ломоносова только и есть русскаго, что языкъ? Неужели больше патріотизма, больше живой, дѣятельной любви къ своему народу въ сатирѣ «Къ уму своему», чѣмъ въ «Разсужденіи о размноженіи и сохраненіи россійскаго народа», или въ «Письмахъ объ устройствѣ университета» и т. д. и т. д.?

Третья статья посвящена трудамъ императрицы Екатерины II. Какъ кажется, это наиболѣе удавшаяся изъ трехъ статей: въ ней, правда не пространно, но ясно и довольно полно представлена вся дѣятельность Императрицы: съ начала—ея законодательные труды, потомъ педагогическіе и наконецъ литературные. На послѣднихъ, какъ ближе всего касающихся его цѣли, авторъ останавливается болѣе всего, и даже разбираетъ двѣ комедіи: «О время» и «Именины г-жи Ворчалкиной». При разборѣ приложенъ и переводъ одной сцены изъ «Именинъ г-жи Ворчалкиной» *). Русскія имена, харак-

*) Кстати здѣсь можно похвалить вообще всѣ переводы, помѣщенные въ Очеркѣ. Они и совершенно вѣрны подлиннику, и вмѣстѣ съ тѣмъ имѣютъ всю оригинальность подлиннаго произведенія. Для примѣра привожу слѣдующій отрывокъ изъ сатиры Кантемира «Къ уму своему»:

You are a judge? Put on your wig and bands;
Frown all away who come with empty hands;

теризующія каждое лице, по обычаю писателей того времени, авторъ искусно замѣнилъ однозначущими англійскими. Напр. г-жа Ворчалкина названа Mrs. Grumble, Вѣстникова—Mrs Prattle, Ханжихина—Mrs. Devout.

Слѣдующая статья, какъ видно изъ одной выноски, будетъ о Сумароковѣ. Съ нетерпѣніемъ будемъ ожидать продолженія этого полезнаго труда и будемъ надѣяться, что авторъ пойдетъ тѣмъ же путемъ, какъ и до сихъ поръ; т. е. что продолженіе будетъ на столько же лучше начала, на сколько третья статья лучше второй, а вторая лучше первой.

Tears of the poor let your firm heart ignore;
Whilst the clerk reads the count, serenely snore.
Should one remind you of some awkward clause
In civil statute or in common laws,
Spit in his face, tell him he lies by th' score.

(Хочешь ли судьею стать? Вздѣнь парикъ съ узлами,
Брани того, кто проситъ съ пустыми руками,
Твердо сердце бѣдныхъ пусть слезы презираетъ;
Спи на стулѣ, когда дьякъ выписку читаетъ.
Еслижъ кто вспомнитъ тебѣ граждански уставы,
Иль естественный законъ, иль народны нравы,
Плюнь ему въ рожу, скажи что вретъ околесну).